

A close-up, high-angle shot of a woman's mouth, focusing on her lips which are coated in a vibrant, glossy red lipstick. Her dark hair is visible on the left side of the frame. The background is dark and out of focus.

КРИСТИНА
СТАРК

СТИГМАЛИОН

«ЧУЖОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ
МОЖЕТ МЕНЯ УБИТЬ»

Кристина Старк

СТИГМАЛИОН

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Старк К.

Стигмалион / К. Старк — «АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-107065-6

Меня зовут Долорес Макбрайд, и я с рождения страдаю от очень редкой формы аллергии: прикосновения к другим людям вызывают у меня сильнейшие ожоги. Я не могу поцеловать парня, обнять родителей, выйти из дому, не надев перчатки. Я неприкасаемая. Я словно живу в заколдованном замке, который держит меня в плену и наказывает ожогами и шрамами за каждую попытку «побега». Даже придумала имя для своей тюрьмы: Стигмалион. Меня уже не приводит в отчаяние мысль, что я всю жизнь буду пленницей своего диагноза — и пленницей умру. Я не тешу себя мечтами, что от моей болезни изобретут лекарство, и не рассчитываю, что встречу человека, не оставляющего на мне ожогов... Но до чего же это живучее чувство — надежда. А вдруг я все-таки совершу побег из Стигмалиона? Вдруг и я смогу однажды познать все это: прикосновения, объятия, поцелуи, безумство, свободу, любовь?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107065-6

© Старк К., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Долорес	5
1	5
2	10
3	17
4	20
5	26
6	30
7	38
8	42
9	47
10	51
11	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Кристина Старк

Стигмалион

Долорес

*How if, when I am laid into the tomb,
I wake before the time that Romeo
Come to redeem me? there's a fearful point!
Shall I not, then, be stifled in the vault,
To whose foul mouth no healthsome air breathes in,
And there die strangled ere my Romeo comes?*
– W. Shakespeare, “Romeo and Juliet”¹

1

Подарок

2005 год, мне семь лет

В игровой было так тихо, что было слышно, как хомячок Лимонад жуёт капусту. И как бьются о стекло падающие за окном листья. И как ударяется о зубы и звенит карамелька у меня за щекой. Я замерла посреди комнаты, внезапно заметив предмет, которого здесь не было вчера. Коробка. Большая, картонная, перевязанная желтым бантом, какие появляются в доме только на Рождество. И на мой день рождения. И когда приезжает бабушка. И в них всегда есть подарки!

Я подбежала к коробке и заглянула в нее...

Сколько себя помню, всегда любила животных. У меня жил хомячок. И два зайчика в клетке во дворе. Рыбка-петушок ярко-синего цвета в круглом аквариуме, который стоял в спальне. И гигантская улитка, которую называли Лолли-Леденец и поселили на кухне в большом прозрачном контейнере.

Но маленького *медведя* у меня еще не было!

Пушистый, толстолапый, с бурой шерсткой, белой грудкой и маленькими ушками – ведь это же он! Сидел в коробке, обнюхивал картонные стенки и смотрел на меня большими карими глазами.

Мне запрещено покидать игровую комнату, но волна восторга внутри поднималась все выше и выше, пока не затопила окончательно. Ноги сами распрямились в коленках и понесли к двери, руки схватились за ручку и распахнули дверь, рот раскрылся и закричал:

– Мама! Папа!

Я бросилась по ступенькам наверх, в родительскую спальню. Так шустро, что даже моя няня не смогла бы меня поймать. А бегают мисс Розы ой как быстро!

– Долорес! Долорес! Остановись! – закричала няня и побежала за мной. Ступеньки задрожали под тяжестью ее шагов.

Я вбежала в спальню родителей и бросилась к кровати. Мне хотелось обнять маму и отца так сильно, как только смогли бы руки. Хотелось выплеснуть на них весь восторг и благодар-

¹ Что, если очнусь я в этом жутком склепе взаперти – а Ромео рядом нет? Что, если воздух кончится быстрее, чем он найдет меня и выведет на свет? Как страшно задохнуться в этой тьме, прежде чем явится спасение ко мне. – У. Шекспир, «Ромео и Джульетта»

ность. Ведь это они подарили мне мишутку! Это они нашли его в лесу и принесли домой! Я улыбалась, я смеялась звонко, как колокольчик, но на лице только-только проснувшейся мамы не было ответного веселья.

– Долорес, стой! Нельзя! – закричала она, вытянув вперед руки.

Спящий рядом с ней отец резко сел на кровати, но и он проснулся слишком поздно, чтобы остановить меня. На целое мгновение позже.

Я и раньше слышала подобные окрики: «Стой! Остановись! Не трогай!» – и всегда замирала на месте, потому что меня так приучили. Это стало почти рефлексом. Но только не в этот раз. Мое счастье было слишком велико, и оно наполнило меня такой быстротой и силой! Я взлетела на кровать, обхватила маму за шею – крепко-крепко – и прижалась губами к ее щеке.

Мама не хотела целоваться, она отпрянула, я потеряла равновесие, и мы обе рухнули на кровать, в простыни, пропахшие лавандой. Матрас прогнулся под нами, а потом подбросил в воздух.

– Там мишутка! В коробке! Внизу! – закричала я. – Настоящий!

Но мама словно не услышала, она вывернулась из моих объятий и резко поставила меня на пол – белая от ужаса.

– Эми, вызывай скорую, – скомандовал мой отец, накрывая меня одеялом и поднимая в воздух. Я брыкалась и радостно визжала, все происходящее казалось мне какой-то новой веселой игрой. Если бы не плачущая в дверях мисс Розы и совсем не веселые голоса родителей.

Отец так резко распахнул дверь в ванную, что я испугалась. Кафель был такой холодный! Пахло мылом и влагой.

– Я не хочу мыться! – возмутилась я. – Я хочу играть с медвежонком!

– Ох, Долорес, – застонал отец, разворачивая одеяло. Ему помогла подоспевшая няня. Ее руки тряслись, когда она расстегнула мою пижаму.

Вода не успела нагреться, но взрослые не желали ждать. В меня ударил сноп ледяных струй, и я завизжала от ужаса.

В ванную влетела мама: волосы растрепаны, лицо серое, бескровное, в руках чемоданчик с лекарствами. Она посмотрела на мое перекошенное от испуга лицо и сама начала плакать.

– Мне холодно! – плакала я.

– Потерпи, Лори, сейчас вода станет теплее...

Меня тщательно намылили и вымыли, потом начали поливать руки и лицо какими-то спреями, которые отвратительно пахли. Глаза начали слезиться от обиды и резкого химического запаха, но... что-то в моем теле стало тревожить гораздо сильнее, чем ледяная вода и запах лекарств. Руки – они начали гореть. Щека – ей словно вlepили пощечину. Губы – онемели и начали кровоточить: я почувствовала привкус крови во рту.

– Ральф, выгляни, кажется, скорая приехала! Лори, малышка, мы едем в больницу.

– Но я хочу играть с мишуткой! – воскликнула я, чувствуя, как по подбородку течет что-то теплое.

– Скоро, очень скоро ты поиграешь с ним...

– Завтра? Обещай! – выпалила я, задыхаясь.

Воздуха вокруг вдруг стало совсем мало, в груди так потяжелело, как будто в легкие насыпали песка...

– Завтра, – сказала мама, глядя на меня широко распахнутыми глазами со слипшимися от слез ресницами.

Она сказала неправду. Медвежонка я увидела снова только через месяц. Когда затянулись сильные ожоги на руках и лице. Губы заживали хуже всего. Потребовалась операция, чтобы восстановить кожу, – цена, заплаченная за поцелуй.

* * *

Моя любимая няня уволилась. Родители уговаривали ее остаться, но потрясение было слишком велико. Кажется, это пятая няня, которая не выдержала бремени сложного ухода за столь необычным ребенком. Вместо нее пришла какая-то другая дама, полная, круглая и розовощекая. Она была похожа на большую надувную игрушку – казалось, если ткнуть ее иголкой, то она сдуется и улетит. Мама без конца инструктировала новую тетю насчет того, как ухаживать за мной. Как будто я была волшебным зверем, за которым нужен особый магический уход.

– Мелисса, мы очень надеемся, что вы справитесь. Следующая ошибка может стоить слишком дорого. Это вопрос жизни и смерти. Прикосновение к другим людям – хуже, чем позволить ребенку прикоснуться к раскаленной каминной решетке.

– Миссис Макбрайд, я подойду к делу со всей ответственностью, – сказала дама, перелистывая страницы большой папки, которую разложила перед ней мама.

– В прошлый раз Долорес просто убежала из игровой и направилась в нашу спальню, а я не заперла дверь. Не предполагала, что она может вот так взять и ворваться. Раньше такого никогда не случалось. Я была неодета, а Долорес обнаружила утром подарок от бабушки и была так возбуждена, что забыла о правилах. Конечно, она знает, что ей нельзя прикасаться к другим людям. Разве что на них несколько слоев одежды, перчатки и нет обнаженных участков кожи.

– Мы уже поставили замки на всех внутренних дверях в доме, запирайте те комнаты, где она играет, – сказал отец, который стоял тут же, хмуро глядя в окно.

Я слушала краем уха разговоры взрослых, но мне было не слишком интересно. Медвежонок завладел моим вниманием. Вообще-то это был не медведь, потому что он лаял! И у него обнаружился хвост колечком – в прошлый раз я просто не успела рассмотреть.

– Мама, это щенок! – закричала я.

– Здорово, милая. Иди сюда.

Я прибежала к маме вместе со щенком – он был огромный, тяжелый и смешно побрякивал на каждом шагу. Мама крепко обняла меня, прижимая к груди. На этот раз на ней был жакет с высоким воротником, и пуговицы были застегнуты до самого подбородка. И она, как обычно, надела латексные перчатки, отчего руки казались пластмассовыми, гладкими, как у моих кукол.

– Ты придумала ему имя?

– Да! Я назову ее Хэйзелнат²! Папа сказал, что это девочка!

– Почему Хэйзелнат?

– У нее глаза как лесные орешки, и она сладкая, как ореховое печенье, и пахнет «Нутеллой»!

– И еще в коридоре кто-то наложил целую кучу «Нутеллы»! Пахнет не очень, – заметил кто-то.

– Сейдж!

Я еще не успела повидаться с ним, после того как вернулась из больницы. Он был в школе, а теперь наконец приехал.

– Сейдж! – Я бросилась к мальчишке с соломенно-русыми волосами и серыми глазами. Он раскрыл руки для объятий. На его ладонях не было перчаток, рубашка была расстегнута на груди. Полосатый школьный галстук повис через плечо змейкой.

– Лори! – улыбнулся он, подхватил меня и закружил в воздухе. – Ты дома!

Сейдж поцеловал меня, его губы прижались к моему носу, и я засмеялась от переполняющих чувств – самых светлых и нежных, какие только может испытывать ребенок. Ему было

² Hazelnut (англ.) – лесной орех. – Здесь и далее – примечания автора.

уже двенадцать, и он был самым красивым мальчиком на земле, хотя, признаться, я не слишком много видела мальчиков. И он никогда-никогда не отшатывался, если мне вдруг хотелось обнять его. И целовал меня, когда хотел, чего мама и папа никогда не делали. Он – единственный человек на Земле, чьи прикосновения не оставляли на мне ожогов и не причиняли боль.

– Все в порядке, это Сейдж – брат Долорес. Они совместимы, – объяснила мама новой няне. – Он здесь единственный, на кого у нее нет аллергии.

* * *

Я была лишена всего того, что даровано обычным детям: школа, общение со сверстниками, экскурсии, путешествия, игры, объятия, ладошка в ладошке, одно печенье на двоих.

Дети имеют привычку прикасаться друг к другу, обниматься, драться, меняться одеждой и делить еду. Все это могло стоить мне жизни. Поэтому образование я получала дома, под присмотром родителей. С репетиторами, облаченными в свежие халаты и перчатки. И общалась только с родителями, Сейджем, няней и взрослыми людьми, которым не придет в голову предложить мне доесть свой сэндвич или поменяться одеждой.

Меня окружали идеально чистые вещи. Все, к чему я прикасалась, не должно было контактировать с потом и жиром других людей. Я постоянно носила перчатки и закрытую одежду. А о технологии приготовления еды для меня можно было бы написать целый трактат. Посуда должна была быть идеально чистой, повар работал в маске, и ела я всегда одна. Чтобы случайно не перепутать и не взять со стола то, что мне не предназначалось. Иногда еду мне готовил Сейдж, и потом мы ели ее вместе за одним столом – о, трапезы с ним были моими самыми любимыми! Только благодаря брату моя жизнь не превратилась в жизнь Рапунцель. Мы общались, смотрели кино, вместе играли с Хэйзел, принадлежали друг другу.

А какая жуткая ревность переполняла меня, когда к нам в гости приходили его друзья-мальчишки. Или хуже того – девчонки. Я не испытывала никакого интереса к другим детям, а если во мне и просыпались крохи любопытства, то их тут же сметал на своем пути ураган зависти и злости. Они претендовали на моего Сейджа! Они трогали его, хлопали по плечу, толкали в бок, обменивались игрушками, ели картошку с одной тарелки!

«Лори, иди к нам! – не раз предлагал мне Сейдж. – Тебя никто не будет трогать, я предупредил их, что нельзя».

Но присоединиться к ним означало примириться с их посягательствами на то, что было моим. А мириться я не собиралась. Я хмурилась, громко стучала пятками по лестницам, запиралась в комнате и ломала игрушки: выдергивала волосы у Барби и рушила построенные из «Лего» замки.

Родители думали, что мое деструктивное поведение – результат недостатка общения со сверстниками. Соблюдая все меры предосторожности, они начали приводить в дом детей близких друзей. Но я не хотела играть ни с кем, кроме Сейджа. Чужие дети пугали меня, они тянули руки к моим игрушкам, занимали много места, говорили слишком громко, странно пахли. А невозможность наброситься на них с кулаками и прогнать вселяла в меня гадкое чувство бессилия. Все равно, что в ваш дом привели бы чужака, а вас привязали к батарее и сказали: «Терпи, пока он не уйдет».

Дошло до того, что появление в доме других детей стало вызывать у меня ужасные истерики и приступы паники, и родителям ничего не оставалось, как приостановить план моей социализации.

– Наверное, стоит подождать, пока она не станет чуть старше, – предложил отец. – В конце концов, нам некуда торопиться.

– Или отказаться от социализации вообще, – всхлипнула мама. – Ральф, кого мы обманываем? Что мы пытаемся ей навязать? Интерес к другим людям, с которыми она не сможет

толком общаться? Которым она будет смертельно завидовать, когда поймет, как много дано им и как мало – ей?! Я с ужасом думаю о том дне, когда она осознает, что не сможет жить полной жизнью, выйти замуж, завести семью...

Я слушала все это под дверью. Пришла на кухню среди ночи попить и стянуть что-нибудь вкусное из холодильника. Но на кухне были родители, снова говорили о чем-то, чего я не понимала, спорили, плакали... Как же все это мне надоело!

Я вошла на кухню с беззаботным видом, шаркая по полу тапочками-зайцами, и направилась прямо к холодильнику. Мама тут же замолчала, а папа наигранно воскликнул:

– Это кто у нас не спит?! Маленькая зайка?

Я открыла холодильник, отщипнула себе пару больших кусков марципана, вернулась к столу и забралась к папе на колени.

– Почему это я не выйду замуж? Выйду, – сказала я очень серьезно. – За Сейджа.

Мама отвернулась к окну, ее плечи тряслись. Мне казалось, что она смеется. Только через много лет, вспоминая этот вечер, я поняла, что она беззвучно плакала.

2

Чудовище

2008 год, мне десять лет

После трех лет тишины и покоя попытки наладить процесс социализации возобновились. Однажды я вернулась с мамой от врача и обнаружила в доме гостей. Незнакомый мужчина – высокий, пугающе-серьезный. Рядом с ним женщина – русоволосая, красивая и важно разодета. И подростки лет четырнадцати-пятнадцати – мальчик и девочка – очень похожие, с большими оленьими глазами и русыми кудрями. Оба выше меня на голову.

Девочка рассматривала кубок, который Сейдж получил за победу в Чемпионате по хёрлингу среди школ города, и ее заинтересованность кубком Сейджа тут же привела меня в негодование.

А мальчик напряженно застыл посреди комнаты и, прищурившись, озирался по сторонам. Ему здесь явно не нравилось.

«Что ж, а мне не нравятся все вы», – решила я, приготовившись к побегу. Но тут отец поднялся из кресла и обратился ко мне:

– Долорес, проходи, дорогая. Познакомься, это мистер Веланд, его жена Ингрид, это Вибекке и Вильям.

– Здравствуйте. – Я приподняла концы воображаемой юбки и изобразила комический реверанс. Вообще-то на мне были брюки, куртка и заляпанные грязью сапоги, и я надеялась, что мое позерство оскорбит незваных гостей и они поскорее уедут, но никто не оскорбился. Женщина тепло улыбнулась, девочка склонила набок голову, с интересом изучая меня. А мальчик оглядел меня с ног до головы и тут же отвел глаза.

– Дорогая, нам нужно обсудить с мистером и миссис Веланд кое-какие дела, не могла бы ты показать Вибекке и Вильяму дом и сад? А чуть позже соберемся все за ужином, окей?

– А где Сейдж? – шепотом спросила я, одеревенев под взглядами всех этих знакомцев.

Пусть его не будет дома, пусть он не видит эту чужую девочку с кругленьким лицом и малюсенькими веснушками на носу. А не то она уцепится за его рукав и попросит показать ей все спортивные трофеи! А их у него много!

– Сейдж скоро вернется с тренировки и составит вам компанию!

Черт.

Папа попросил Мелиссу подать им кофе в гостиную. Я развернулась и, не оглядываясь, направилась в сад. Только у самых дверей я заметила, что чужие дети следуют за мной – молчаливо, с опаской, как лесные звери. Чуют, наверное, что мне хочется отлупить их клюшкой для хёрлинга. Жаль, что Сейдж забрал ее с собой на тренировку...

– Тебя зовут Долорес, так? – спросила Вибекке. Голос – низкий, бархатный, как будто мороженого переела, и еще я уловила акцент. Точно не из нашего города.

Я ничего не ответила, не слишком хотелось говорить с ней.

– Можно называть тебя Долли?

– Нет!

«Долли» – почти то же самое, что и «лолли» – «леденец». Напоминает сладости и овечек. А я не похожа ни на леденец, ни на овцу!

– У тебя испанские корни? Это же не слишком обычное имя для Ирландии? – снова спросила девочка.

– Обычное. Долорес О’Риордан – певица из группы «Кренберриз», – начала загибать пальцы я. – Долорес Макнамара – тетя из Лимерика, которая сорвала самый большой джекпот в истории Ирландии – сто двенадцать миллионов евро! Долорес Кин – еще одна певица, бабушке нравится. А мне не очень. Долорес – медсестра, которая сегодня брала у меня кровь в больнице.

«Долорес» было написано у нее на бейджике. Поэтому я думаю, что так ее и зовут. Иначе зачем бы она прицепила его себе спереди, прямо вот тут? – И я ткнула себя в левую грудь – вернее, туда, где она однажды должна была вырасти.

– Ладно, верю, – рассмеялась Вибекке. – Получается, это распространенное имя. А что оно значит?

Я прекрасно знала, что означает мое имя. И его значение мне не нравилось. Иногда я даже думала, что имя виновато во всех моих бедах. Потому что оно означало кое-что не слишком приятное. Вот имя моей мамы означает «любимая». А имя брата – «мудрец». А мое...

– Давай лучше про тебя поговорим, – сказала я, раздражаясь. – Тебя зовут Бибика?

Я помнила, как ее зовут. Просто мне хотелось ее подразнить.

– Вибекке, – исправила девочка, останавливаясь рядом со мной у двери, ведущей в сад.

– А его – Вальтер? – кивнула я в сторону ее молчаливого брата, который со скучающим видом разглядывал сад. Поздняя осень, смотреть и правда было не на что.

– Вильям, – терпеливо исправила Вибекке. – Ты легко запомнишь. Ведь у вас это имя так же популярно, как и у нас.

– Где это «у вас»?

– В Норвегии.

– Вы из Норвегии?

– Да, сегодня прилетели. У твоего папы с нашим какие-то дела.

– Ты хорошо говоришь по-английски, – заметила я, и Вибекке тут же поблагодарила меня.

Странная. Наверное, подумала, что я сделала ей комплимент. А я просто сказала вслух то, что подумала. – А Вальтер говорит?

Девочка оглянулась на брата и неловко улыбнулась.

– Нет, он не говорит. Вильям, а не Вальтер. У них в школе... французский учат.

– Значит, он не понимает, о чем мы говорим? Вот круто!

– Не-а, – протянула Вибекке, снова оглядываясь на брата.

– Хорошо, потому что он мне не нравится, – сказала я. – Похож на девчонку. Разве мальчики носят длинные волосы? И лицо у него – как будто его от всего тут тошнит. Зачем приезжать с таким лицом? А я сегодня полдня провела в больнице, где меня всю иголками истыкали. Не вовремя вы как-то приехали. И еще у него что, руки к карманам приросли? – кивнула я на Вильяма, который как ни в чем не бывало стоял рядом и разглядывал бесцветное небо над головой.

Вибекке точно не ждала ничего подобного. Ее глаза расширились, теперь она смотрела на меня уже не так радостно, как минуту назад.

– Прости, мне жаль. По поводу больницы...

Вы гляньте, какая вежливая. Разве люди так отвечают на грубости? Сейдж бы мне точно подзатыльник дал. Наверное, что-то задумала. Вибекке была старше меня года на четыре, а может, даже на пять, но я не пасовала. Считала, что разница в возрасте легко компенсируется особыми умениями. Например, умением драться.

– А по поводу Вильяма зря ты так. Он самый лучший брат на свете. А волосы у него только на макушке длинные, – добавила Вибекке. – А ниже сбриты. Когда он собирает их в хвост – выглядит очень круто.

– Что-то не верится, – с сомнением заявила я, и тут мое сердце упало и закатилось в самую пятку. В самый дальний уголок пятки.

У дома остановилась наша машина, и с пассажирского сиденья соскочил Сейдж. Открыл багажник, набросил на плечо рюкзак, взял клюшку и шлем. До чего же он хорош! Вот как должен выглядеть мальчик! Вернее, парень – ему уже пятнадцать. Светлые волосы коротко подстрижены, на лице улыбка, в глазах – огоньки. Я любовалась им. И было совершенно ясно, что залюбовалась и Вибекке.

– Привет, – сказал Сейдж, разглядывая новых гостей.

Я открыла рот, чтобы объяснить, кто это тут у нас, но Вибекке опередила меня:

– Привет! Я Вибекке, а это Вильям. Мы приехали с родителями к вам в гости на несколько дней...

– На несколько дней?! – поперхнулась я.

Вибекке даже ухом не повела, она уже утонула в дымчатой бездне глаз моего брата.

– Я Сейдж, – сказал он девчонке. Протянул руку Вильяму, но тот не пожал ее (ну и невежа!), просто кивнул.

– Мы хотим прогуляться, ты с нами? – хлопнула ресничками Вибекке.

Ну и выскочка! Я открыла рот, чтобы поставить ее на место, но не успела ничего сказать.

– Только переоденусь, – ответил Сейдж.

А? Что? Когда?! Когда это я перестала быть главной в этом доме?!

Сейдж поцеловал меня в висок и отправился в дом. Вибекке смотрела ему вслед, сложив руки на груди.

На груди! У нее уже была грудь – и очень заметная, свитер из ангоры так ее и обтягивал. Я толком не понимала, что чувствую. Ревность? Зависть? Моя грудь была такой же плоской, как у брата, и я почему-то решила, что это ужасно.

Вибекке вдруг вознеслась в моих глазах куда-то на недостижимую высоту – где мне ее было не одолеть. Даже если бы толкнула на землю и начала бить кулаками... Сейдж не позволил бы мне бить ее – и не только потому, что после драки с Вибекке меня наверняка увезли бы в больницу с ожогами. Но и потому, что Бекки была красивая, высокая, взрослая и с грудью!

Сейдж вернулся быстрее, чем я ожидала. В своей любимой футболке, намазал волосы гелем, на руку нацепил фенечку, и кроссовки эти он надевал только по особым случаям...

Я перевела взгляд на Вибекке – вот он, особый случай. И внезапно брат начал бесить меня не меньше этих чужих подростков. Придурок, влюбленный баран, пятнадцать лет, а как маленький! Вырядился! Надухарился! Идет, лыбится! И все ради кого? Ради какой-то дурочки с сиськами...

– Тили-тили тесто, жених и невеста! Тесто упало – невеста пропала! – запела я, сердито сунув руки в карманы.

– Лори! – строго одернул меня Сейдж.

– Вдруг невеста под кровать, а жених ее искать!

– Давайте погуляем? – предложила Вибекке, даже внимания на меня не обращая. – У вас здесь есть что-нибудь интересное?

– У нас есть огромный батут. Ты когда-нибудь на таких прыгала? Умеешь делать сальто? – заворковал Сейдж, ослепительно улыбаясь.

– Тили-тили тесто, жених и невеста! Тесто засохло – невеста сдохла! – выкрикнула я, развернулась и быстро пошла прочь, со злостью пиная камни, которыми была посыпана площадка перед домом.

– Долорес! Долорес! – закричал мне вслед Сейдж. – Ну что ты как маленькая?!

– Отвали! – огрызнулась я и прибавила шаг, почти побежала. Меня душили обида и разочарование. Я рванула туда, где для меня точно найдется утешение – к небольшому домику на заднем дворе, окруженному невысоким забором. Туда родители отправляли мою собаку, когда у нас в доме были гости. Она, как и я, не любила чужих и начинала нервничать в их присутствии.

Хэйзел выросла. Вымахала. Она весила в два раза больше меня – почти шестьдесят килограммов! Коричнево-бурая, с черной мордочкой, белой грудью и закругленными ушами – иногда она больше напоминала мне гигантскую кошку, чем собаку.

Хэйзел заметила меня и прыгнула на невысокую ограду, поставив на нее огромные лапы. Я вошла, обняла собаку, мы с ней упали в душистое сено и начали брыкаться и барахтаться.

– Хэйз, – вздохнула я и прижалась лицом к белой груди. Слезы потекли ручьями. – Пришла эта Бибика, а Сейдж к ней сразу прилип. А она – ничего особенного, ты б видела. А брат ее – совсем отстой! С волосами, как у девчонки... На черта они сюда приперлись?! За что?!

Хэйзел наострила уши и посмотрела куда-то поверх забора. Я подняла голову и проследила за ее взглядом. Неподалеку стоял Вальтер, или как там его, и озирался по сторонам. Совсем один. Вибекке и Сейджу, видимо, решили, что им вдвоем будет лучше. Без свидетелей. Мои щеки запылали, а горло сжали невидимые тиски.

– Эй! – закричала я ему. – Проваливай отсюда! Сестра твоя – дура! И ты дурак!

Но мальчик и не думал проваливать. Я схватила палку, которую Хэйз грызла пару минут назад, и бросила в него изо всех сил. Палка приземлилась у ног Вильяма. Он посмотрел на нее с полным равнодушием, потом развернулся и пошел прочь.

– Да-да, вали! И побыстрее!

Я подняла ком сухой земли – твердый, как камень, и бросила ему вслед. И почти попала в него: ком пролетел прямо у него над головой.

Мальчишка развернулся, поднял другой ком земли и запустил обратно – так точно, что тот врезался в решетку ограды, за которой я стояла, и рассыпался в облако пыли. Я взвизгнула и закашляла. Хэйзел припала на передние лапы и угрожающе зарычала.

– С ума сошел?! – заорала я. – Ты знаешь, кто это, у моих ног? Это настоящая акита! Она просто разорвет тебя на кусочки! Придурок!

И тут молчун Вильям послал мне насмешливую улыбку и показал средний палец.

– Жить надоело?! – повторила я.

Он что-то ответил мне на непонятном языке. Наверное, это тот самый норвежский. Я ничегошеньки не поняла, но, судя по голосу и интонациям, мне не сказали ничего хорошего.

И тогда я нашла камень и вышла за ограду. Хэйзел нервничала, она тяжело дышала и глухо лаяла. Я замахнулась и запустила камнем в Вильяма. На этот раз он не успел увернуться, и мой подарочек врезался прямо ему в лицо. Не ожидал от меня такой точности! Получи!

Кровь потекла у него из носа, заливая губы и подбородок. Мальчишка сплюнул и быстрым шагом направился ко мне. Бравада и наглость стали быстро покидать меня. Он налетел, схватил за воротник куртки и повалил на землю. Я начала вырываться и визжать. Попыталась расцарапать ему лицо, но он был куда больше и гораздо сильнее.

– Чтоб ты сдох! Чтоб ты сдох! – заверещала я.

Вильям схватил меня за запястья, прижал к земле и приблизил лицо к моему – его широко раскрытые серые глаза показались просто огромными на фоне бледного лица.

– Тупое. Мелкое. Чудовище, – сказал он на идеальном чистом английском. – Отлупил бы тебя, но стыдно лупить ребенка.

– Тогда отлупи-ка мою собаку, – завопила я. – Хэйз, ату его! АТУ!

Я миллион раз возвращалась к тому моменту. Ведь всё могло сложиться совсем иначе. Я могла просто прикусить язык и гордо принять поражение. Разобраться с ним сама, без собаки. Или просто разреветься, и Вильям ушел бы сам. Но я не смогла справиться с ураганом своих эмоций.

Хэйзел, повинаясь моей команде, перемахнула через забор, и в следующую секунду в Вильяма врезались шестьдесят килограммов звериной ярости. Его тело просто отлетело в сторону. Он не кричал, но его рот беззвучно хватал воздух, пока моя собака терзала его грудь, лицо, руки, которыми он пытался закрыться. А потом я увидела кровь – ярко-алые брызги. Белый кардиган Вильяма стал грязно-бордовым.

– Хэйзел! Хэйзел, стой!

Собака мотала тело мальчика из стороны в сторону и отказывалась мне подчиниться.

– Хэйз! Стоп!

Зверь словно не слышал меня. Я попыталась оттащить ее в сторону, но куда мне. Каждая лапа была толще моей руки.

Выход был только один... Я упала сверху на тело Вильяма и крепко обхватила его руками. Подмяла под себя его руки, чтобы Хэйзел больше не смогла терзать их. Обняла голову и прижалась лицом к его лицу, чтобы собака не могла притронуться к нему. Хэйзел переключилась на ногу Вильяма, но я отпихнула ее морду своей ногой.

– Фу, Хэйз! Фу! – заорала я так громко, что сорвала связки. Я еще никогда в жизни так не кричала. – Уходи!

Вильям застонал. Кажется, потерял сознание от боли. Его лицо было все в крови, на щеке – рваная рана. Он поднял руку, слабо оттолкнул меня – и я вскрикнула, когда увидела два болтающихся пальца. Я зарыдала и стала звать на помощь.

– Мама! Папа! Сейдж! Потерпи, сейчас кто-нибудь придет! Мне жаль, мне так жаль, ты прав... Я чудовище...

Я чудовище, а мое имя переводится как «страдания»! Вот что оно означает! «Долорес» – это страдания и боль!

Кровь Вильяма пропитала мою одежду. Мои руки, мое лицо – все было в его крови. Я знала, что дорого заплачу за то, что прикоснулась к нему. Прикосновение к другим людям оставляет на мне ожоги, а чужая кровь просто разъедает кожу, как кислота. Но разве у меня был выбор? Разве я могла остаться в стороне и позволить ему умереть?

Первым появился наш сосед, мистер Робин, – одинокий седовласый старик, который увидел все через забор. В его руках был шланг, и ему удалось отогнать Хэйзел, поливая ее водой. Потом он стащил меня с тела Вильяма, и на его крики прибежали родители... Не очень помню, что было потом. Кажется, с меня сорвали одежду и поливали из шланга, чтобы смыть чужую кровь. Вода была ледяной, но жгла, как пламя...

А потом были звуки сирен – громкие, страшные...

А после – темнота.

* * *

В шесть лет я была просто диковатой.

В восемь впадала в истерику, когда видела чужих детей в своем доме.

А в десять лет натравила собаку на другого ребенка. Ожогов на мне тогда оказалось не слишком много – одежда защитила. Я провела всего неделю в больнице и еще несколько в реабилитационном центре. И все это время постоянно думала о Вильяме: о разодранной щеке и двух поврежденных пальцах на руке. Думала о том, как страшно и больно ему было. О том, как, наверное, плакала его мама, которая привезла к нам в гости чистого, красивого, здорового мальчика, а увезла...

Калеку?

Нет, нет, я даже мысленно не хотела произносить это слово. Оно звучало слишком страшно, слишком больно и было таким колючим, что застревало в горле, если я пробовала его произнести. Вильям не будет калекой, ведь я не могла напорочить *так сильно!*

Мои родители после этого случая зареклись приглашать в дом других людей. Слухи разлетелись жуткие: девчонка Макбрайдов – исчадие ада, а может, и вовсе не в себе. А еще у них есть собака, у которой явные проблемы с психикой. А мать и отец куда смотрели? Ну и семейка!

Сейдж пару раз приходил из школы с синяками – затевал драки в ответ на оскорбления. Я воображала, как он кричит: «Она не сумасшедшая! И собака тоже! Она просто защищала ее!» – и тут же набрасывается с кулаками на обидчика...

Бедный Сейдж, бедная моя семья, бедная Хэйзел.

Скоро к нам явились люди из службы по контролю за домашними животными. Вошли в дом, начали с родителями разговор, хотели забрать мою акиту, но я бы скорее позволила себя четвертовать, чем отдала бы ее. Я не знала, что делают такие люди с собаками и куда увозят их в своем фургоне, но что-то подсказывало мне, что собаки больше никогда не возвращаются домой.

Я выбежала из дома и помчалась к дереву у дальней ограды сада, под которым Хэйзел любила вздремнуть после обеда. Вцепилась руками в ее ошейник и потащила за собой в дыру в заборе, через которую иногда убегала на улицу, а оттуда – в городской парк. Собака беспрекословно послушалась меня, словно тоже почувяла неладное. Помню, как мы бежали с ней к зарослям дикой ежевики, в которой вили гнезда черные дрозды. Помню, как приказала ей лезть под густые ветви, а сама поползла следом, всхлипывая от боли: острые шипы расцарапали мне руки и шею. Хэйзел принялась лизать мое распухшее от слез лицо. Я обняла ее руками, и там мы пролежали целую вечность, пока кто-то не поднял ветви и не обнаружил нас.

Это был мой отец, и впервые в жизни я испугалась его. Была готова драться с ним, как Хэйзел дралась за меня. Потому что он был на чужой стороне – на стороне взрослых, а не на моей с Хэйзел. Я видела строгость в его глазах, холод, гнев.

Он стоял и смотрел на меня сверху вниз, пока я лежала среди колючих ветвей, вцепившись обеими руками в Хэйзел и стойко преодолевая боль, вся в кровотокающих ссадинах и грязи. И, должно быть, он увидел что-то, чего раньше никогда не замечал. Что-то, что кольнуло его в самое сердце.

И заставило перейти на мою сторону.

– Лежи, пока я не вернусь, – сказал он, погладил меня по плечу и ушел. Колючки впились в лопатки, но мысль о том, что у меня появился сообщник, придала сил. Вскоре отец вернулся в сопровождении нашего соседа и сказал, что Хэйзел должна немедленно уехать с мистером Робинсом в Донегал³ к моей бабушке. И больше никаких вариантов нет. И если я хочу спасти ее, то должна согласиться.

– Я согласна, – закивала я, вылезая из-под кустов и громко всхлипывая. Папа склонился к аките, но так и не смог вытащить ее из-под ветвей, пока я не позвала и не сказала:

– Выходи, Хэйзел. Все в порядке. Тебя не тронут.

Я обняла собаку, сжала так, что она захрипела. Потом мистер Робинс прицепил поводок к ошейнику и повел ее к машине, припаркованной у выхода из парка. А мы с папой остались у ежевичного куста, глядя им вслед. Он осторожно обнял меня и вытащил из плеча ежевичный шип. Я даже не заплакала: внутри все болело сильнее.

Отец знал, что собака просто защищала меня. Я все ему рассказала. Воспитанности и вежливости у меня, может, и не много было, но зато смелости признать свою вину – достаточно. Я рассказала ему, как дразнила Вильяма и бросала в него палки, как он кинулся на меня, как мне захотелось проучить его...

Я умолчала только об одном: как я легла на Вильяма и закрыла его своим телом. Боялась, что мне все равно не поверят и сочтут, что я все выдумываю, лишь бы выкрутиться.

Мистер Робинс сказал родителям, что пока Хэйзел грызла мальчика за руку, я сидела на нем верхом и била кулаками. На самом деле я била собаку. Старик не рассмотрел, что происходило на самом деле, а я не стала выгораживать себя. Пусть думают, что хотят. Все равно ничего не вернуть и не исправить.

Мы просидели в парке до темноты. Отец долго говорил со мной, объяснял, как ужасно я поступила и какие последствия могут быть у этого поступка. Раны затягиваются, шрамы бледнеют, тело выздоравливает, а душа – нет. Может так статься, что тот мальчик больше никогда не оправится от страха перед животными и перестанет верить другим людям.

³ Графство на севере Ирландии.

Но больше всего мне запомнилось то, что папа сказал в самом конце:

– Надеюсь, однажды он сможет простить тебя, Долорес.

Отец был очень, очень грустным.

– Ты хрупкая, как бабочка. Чужое прикосновение может убить тебя, ты знаешь это. Но ты можешь ранить других людей так же сильно. Одним движением можешь перевернуть Землю вверх ногами. Одним словом сломать чью-то жизнь. Помни об этом.

Я поклялась себе, что буду помнить.

– Рука Вильяма – ее вылечили?

– Я не знаю, милая, – вздохнул отец. – Мистер и миссис Веланд отказываются говорить со мной. Кажется, они вернулись в Норвегию, и Вильяма будут долечивать там...

– Папа, а тело чинить легко?

– Нет, это очень тяжело.

– Но врачи умеют?

– Хорошие врачи – умеют.

– А в Норвегии хорошие врачи?

– Надеюсь, хорошие.

– И я надеюсь, что там самые лучшие врачи на свете! – воскликнула я, размазывая руками слезы по лицу, и с жаром добавила: – Папа, я сделала это не специально! Ты же веришь мне? Я не хотела, чтобы все так получилось. Я не злая. Я не хочу думать, что я злая...

– Один очень умный человек когда-то сказал: «Никогда не ищи злой умысел там, где, скорее всего, имела место обыкновенная глупость». Эта мудрость всем так понравилась, что ей даже дали особенное название: «Бритва Хэнлона». Я тоже часто достаю эту «бритву», чтобы отсечь ненужные подозрения и не искать коварное зло там, где его не было... Так что давай мы достанем ее и в этот раз и решим, что ты не злая, а просто немного...

– Глупая, – закончила я, горестно вздыхая.

Папа грустно улыбнулся и дал мне руку, обтянутую перчаткой.

– Сглупила, – поправил он меня. – Что случается со всеми. Главное – понять это и постараться не повторять.

– Я больше не буду злиться на мальчиков... И кричать на них. И бросать в них палки... Хоть они мне и не очень нравятся. Но пусть живут, да? Как комары – они ведь тоже не очень, но если их не замечать...

Папа то ли засмеялся, то ли застонал, я так и не поняла: уже стемнело, и я не видела его лица. Мы шли домой по мокрой от вечерней росы траве, и он держал меня за руку. И совсем-совсем не злился. А дома нас ждал теплый камин, и ужин, и мама с добрыми глазами. И Сейдж. И если они и дальше будут любить меня, то я постараюсь быть самой лучшей девочкой на свете.

3

Хочу твоей любви

2011 год, мне тринадцать лет

У Сейджа в гостях девушка. Они вдвоем заперлись в его комнате. Я забралась в соседнюю и сидела тихо, как мышь. Приложила к стенке стакан, прижалась ухом к доньшку и слушала. Они говорили о чем-то, хихикали, слушали музыку и листали учебники. Оба готовились к поступлению в университет. Сейдж решил изучать право, а она – что-то там еще. Ее звали Тэйла. У нее были кудрявые волосы и пронзительный смех. Казалось, будто дикая птица кричит.

Я бы с удовольствием свернула этой птице голову.

Сейдж вырос так, что стал больше папы. Ему уже восемнадцать, а на вид все двадцать пять: огромный детина, которому я едва достаю до плеча. Голос у него громкий и низкий, на лице растет щетина, а руки такие сильные, что он смог бы переломить, как спичку, свою клюшку для хёрлинга. Если бы клюшка его чем-то разозлила...

Мама сказала мне, что я тоже почти совсем взрослая, что я меняюсь, расту. Мои волосы стали длинные-длинные. Мелисса часто заплетает их в косы. В моей груди набухли какие-то шарики – ужасно болючие. Я думала, что это рак, но мама сказала, что это грудь растет. И еще пару месяцев назад у меня началась менструация. Господи, хорошо, что мне заранее объяснили, что это, иначе тем утром я бы перебудила весь дом воплями «я умираю!»

В общем, я уже не ребенок. Но мое детское обожание и щенячья верность Сейджу почему-то никуда не ушли. Я по-прежнему хотела, чтобы он не встречался с девчонками. Чтобы не заглядывался на них. Чтобы принадлежал только мне, играл только со мной, любил только меня...

Звуки в его комнате затихли, и от этой тишины у меня все внутренности сжались в ком. Я приросла ухом к стене и наконец разобрала слова:

– Сейдж, а вдруг кто-то войдет?

– Двери заперты... Все уехали играть в гольф... Никого нет...

Шепоток. Шелест. Движение.

– Тебе нравится? – проворковала Тэйла.

– Я с ума по тебе схожу... Ты такая красивая... Тэйла... Ты самое прекрасное...

Мне в ухо влетел звук глубоких поцелуев, осторожное поскрипывание кровати. Я закрыла глаза и сжала кулаки. В общих чертах я представляла, что там происходит: родители покупали мне книги обо всем на свете, включая «это». Конечно, они были написаны простым языком для подростков и подробности не описывались, но и прочитанного мне было достаточно: «Сначала мужчина и женщина уединяются в каком-то месте, раздеваются и ласкают друг друга, произнося приятные слова. В такой момент у мужчины происходит эрекция, а у женщины увлажняется влагалище. Мужчина вводит пенис во влагалище женщины, что сопровождается приятными ощущениями для обоих...».

Звучало все это, конечно, серьезно, но я не представляла, как можно получать удовольствие, когда в тебя что-то *вводят*. Можно потерпеть, когда тебе вводят катетеры, иглы, ректальные свечи, зонды, суют в уши ватные палочки, засовывают в рот градусник или отсасывающий слюну шланг на приеме у стоматолога... Приятного мало, так? А когда в тебя вводят не инструмент, а часть чужого тела – это как вообще? Кому это может нравиться? Неужели многим, если об этом даже книги пишут?

Меня передернуло от отвращения.

Я ушла вниз, в гостиную, громко топая ногами, врубила телек, выкрутила громкость на максимум и начала танцевать под Леди Гагу и ее «Bad Romance».

Так-то!

Мужчина не сможет *вводить пенис женщине во влагалище* под все эти безумные звуки, громыхающие на весь дом. Только это мне и нужно!

– Рам-ма! Рам-ма-ма-а! Га-га-у-ля-ля! Хочу плохой роман!

А вот и Сейдж. В одних штанах спустился вниз: волосы всклокочены, губы порозовели, соски съежились в два сердитых бугорка. Тэйла спустилась следом – щеки алые и футболка шиворот-навыворот.

И пока она шнуровала свои беленькие «аидасы», Сейдж хмуро поглядывал в мою сторону.

– Хочу тебя уродливого! Хочу тебя больного! Хочу тебя всего, пока это бесплатно! – начала петь я и прыгать чокнутой лошадкой по комнате.

Сейдж вышел с Тэйлой на улицу, смачно грохнув дверь.

– Хочу твоей любви! Хочу твоей мести! Давай вместе напишем этот порочный роман!

Вернулся. У-у-у, неужто мы разозлились?

– Хочу твои психи и твою вертикаль! Хочу видеть тебя в зеркале заднего вида! Малыш, какой же ты чумовой!

– Долорес, что ты творишь?! – Сейдж выхватил у меня пульт, в который я артистично орала, как в микрофон, и выключил телек.

– J'adore l'amour! Et je veux ton revenge!⁴ J'adore l'amour! Не хочу быть друзьями! – продолжала петь я уже без музыки.

И тогда Сейдж схватил меня за руку и больно сжал запястье.

– Лори!

Я резко остановилась, и рваная челка косо упала мне на глаза.

– Что ты здесь устроила?! – заорал Сейдж. Он был взбешен, на волосок от ярости.

– Я знаю, чем ты занимался там с ней.

– И чем же?!

– Засовывал свой пенис ей во влагалище! – сказала я с отвращением.

Сейдж пару секунд смотрел на меня в полном замешательстве, потом застонал, закатил глаза и запустил пальцы в волосы.

– И это гадко! – закричала я ему в лицо. – Помнишь тот день, когда ты написал на ежика в саду за сараем? Так вот – это еще хуже, чем писать на ежика!

– Долорес, – Сейдж тяжело вздохнул и упал в кресло, закинув ногу на ногу, – совсем как отец. Повязать галстук и надеть очки – и будет почти он. – Мне стыдно за того ежика, сколько раз повторять? Пожалуйста, давай об этом забудем. Что касается всего остального: ты не можешь называть гадким то, о чем не имеешь ни малейшего представления.

– Мне уже противно тебя слушать!

– Что ты вообще знаешь о сексе?

– Все, что надо! Я прочитала книгу «Детям про «Это», и «Энциклопедию для подростков», и «Ваша девочка вырастет», и еще нашла у родителей одну книгу... «для взрослых». Там какая-то акробатика цирковая, только блевотная.

– А теперь забудь все то, что там написано, – сказал мне Сейдж. – Секс – это не акробатика. Не анатомия и не физиология. И неважно, кто, что и куда сует. Неважно. Самое главное не увидишь глазами, этого нет на картинках.

– Что, еще и кино про это бывает? – вытаращилась я.

– Бывает, но речь не о том. Самое главное происходит в голове: твои мысли все улечиваются. Ты не можешь думать ни о чем – только о человеке, который рядом. И о том, что с ним можно сделать... В хорошем смысле слова. И с его согласия, конечно. Время исчезает,

⁴ Хочу твоей любви. И хочу твоей мести (фр.)

пространство исчезает. И внутри у тебя такой ураган, что кажется: еще чуть-чуть – и голову снесет... И для всего этого достаточно просто поцелуя. Или даже прикосновения руки. Все. Вот это секс. А то, что ты в тех книжках читала, – это все... ерунда.

Я замерла посреди комнаты, загипнотизированная голосом Сейджа и тем, как серьезно он все объяснял. И мне так понравилось то, что он сказал, что весь мой гнев, и стыд, и отвращение вдруг куда-то исчезли. А что, если он единственный, кто прав?

«А ведь мне не суждено испытать то, о чем он говорит», – подумала я. Я никогда раньше не задумывалась об этом, но сейчас вдруг осознала: все то, что происходит с Сейджем, о чем пишут в книгах, все это запретное, и странное, и тайное, что случается между людьми, когда они остаются наедине, – все это никогда со мной не произойдет.

Никогда.

Я села в другое кресло, обняла свои колени и опустила на них лоб.

– Все это пройдет мимо меня, так?

Сейдж молчал. Тут ему нечего было сказать. Все было понятно без слов.

– Тогда зачем они покупают мне все эти книги?!

– Ты должна быть образованным человеком. Должна все знать и понимать. Никто из нас не полетит в космос, но почему бы не прочитать о космосе в книгах? – философски рассудил Сейдж.

– И как там на Марсе, господин астронавт? – фыркнула я.

– Жарко, – улыбнулся он. Его щеки слегка покраснели, глаза засияли. Он был очень красив в разгаре своей маленькой болезни по имени Тэйла.

– Смотри не сгори, Сейдж. Ожоги – это больно.

Я вскочила на ноги, убежала в свою комнату, свернулась калачиком под одеялом и беззвучно заплакала.

Я наконец начала осознавать, что за шутку сыграл со мной Господь. Что зрение, слух и обоняние – это величайшие сокровища, но я бы точно променяла какое-то из них на чудо прикосновения. Попрощалась бы с благоуханием цветов и ароматом свежеприготовленной пищи, но зато смогла бы жить среди других людей. Не смогла видеть, но зато могла бы целовать. Променяла бы все звуки на тепло чужой кожи под пальцами.

4

Лучше бы я этого не видела

2014 год, мне шестнадцать лет

Сейдж учился в колледже на третьем курсе. С Тэйлой недавно разошелся и стал встречаться с какой-то другой девицей. На этот раз блондинка с мелкими детскими зубками и острым носиком.

Мама с отцом улетели в Рейкьявик на две недели. Нормальные люди летают отдыхать на Канары и Мальдивы, в Грецию и Таиланд. А мои родители любят север: Исландию и Гренландию, Данию и Канаду, горы и снежинки, лыжи и какао, пледы и варежки, оленей и северное сияние. Даже представить не могу, чтобы они отправились куда-то в сторону экватора. Помоему, у мамы даже купальника нет.

А я на все каникулы уехала к бабушке в Донегал. Бегать по пляжу. Греть ноги у камина. Примерять винтажные бабушкины платья с перламутровыми пуговицами и хрупкими кружевами. Обнимать Хэйзел.

Бабушкин дом больше похож на замок – он огромный, трехэтажный, сложен из черного блестящего кирпича. В нем окна от пола до потолка и винтовые лестницы. А вокруг – сады с фонтанами, старинные скамейки и сортовые розы всех цветов радуги: белые и алые, желтые и бордово-черные. Ну разве что синих нет.

Бабушка у меня очень знатная: она единственная внучка богатого лорда Генри Стэнфорда, который когда-то приехал из Англии в Ирландию и, ослепленный красотой местной рыжеволосой нимфы, не захотел уезжать.

И моя знатная бабушка не обрадовалась, когда ее единственная дочь собралась замуж за юного нищего выпускника юридического колледжа, с которым познакомилась в картинной галерее. Она восприняла это как бунт, как личное оскорбление, вроде плевок в лицо.

А потом и вовсе от дочери отреклась, когда та вышла за моего отца и уехала к нему в Атлон – крохотный городок, что на реке Шеннон, в самом сердце Ирландии. Отреклась и сказала моей маме накануне ее свадьбы, что умрет (от сердечного приступа, конечно же) и ни гроша ей не оставит. Завещает все местному церковному приходу, а дочке даже болтик от дверной ручки не пожалует.

Мама страшно обиделась, уехала и перестала бабушке даже открытки на Рождество присылать. (Лично я считаю, что это было чересчур жестоко).

Бабушка и мама не разговаривали друг с другом целых два года и даже в Фейсбуке друг к другу не заглядывали. А потом случилось нечто чудесное: родился маленький, пухленький, весь такой розовенький малыш Сейдж. Мама отправила бабушке его фотографию и отпечаток ладошки на глиняной дощечке – и бабушкино сердце растаяло. А потом родилась я, и бабушка растаяла вся целиком. Такой милоты, как мы с братом, ни одна ледяная глыба не выдержит.

Папа тем временем покинул юридическую фирму, в которой работал, и завел собственную адвокатскую практику. Он был трудоголиком, умел быстро вникнуть в суть дела и не робел перед опытными обвинителями и судьями. Отец быстро завоевал репутацию бесстрашного, может быть, даже жесткого защитника, который до последнего борется за своего клиента. А репутация как хороший костюм: многого стоит и всегда привлекает клиентов.

Деньги в нашу семью не то чтобы рекой потекли, но их на все хватало. На большой дом, пару хороших машин, няню, домработницу и домашних учителей.

Папа выстроил свое собственное королевство и посадил маму на трон. А бабушка поняла, что зря была такой мегерой, и начала приглашать всех нас в гости, писать письма и присылать маме деньги на счет.

Деньги мама всегда отправляла обратно – ни гроша не взяла, и, не знаю, возьмет ли, – но вот нашему с бабушкой общению мешать не стала. И хорошо, потому что я и Сейдж обрели ту особенную, щедрую, удивительную любовь, которую детям может дать только бабушка.

К Сейджу бабуля относится как к фамильной драгоценности – сдувает пылинки и горделиво показывает подружкам. А от меня она вообще без ума, потому что страшно балует. Взять хотя бы... Нет, здесь лучше рассказать по порядку.

Когда я приехала к ней этим летом, она сначала тискала меня полчаса (надев перчатки, конечно, и застегнув все пуговицы доверху), потом закатила для меня обед, а после повела в гараж. А там – ни черта себе – стояла новая машина, повязанная огромным бантом! Я перевела взгляд с машины на бабушку, не понимая, в чем суть розыгрыша и где тут скрытая камера.

– С днем рождения, Лори! – воскликнула бабушка, сжимая меня в крепких руках и целуя воздух по обеим сторонам от моих щек.

– Ба... – медленно заморгала я. – У меня он в феврале. А сейчас июль.

– Какие пустяки!

– И у меня нет прав, и мама не разрешит, и вообще... Я, наверное, сплю.

Я начала разглядывать машину, и чем дольше разглядывала, тем сильнее у меня тряслись руки и ноги. От изумления. От восторга. От переполняющего меня счастья.

– Как для первой машины, может, чутка великовата, но я верю, ты справишься. Водить можно с семнадцати. За полгода как раз разберешься, где газ, а где тормоз, сдашь тест на теорию, получишь ученические права!.. – начала безумствовать бабушка.

Я подбежала к машине, стала разглядывать диски, заглядывать в окна. Нереально красивая машина. Прямо-таки топ-модель среди машин. Железная Жизель Бюндхен, черт побери!

– Залезай! – скомандовала бабушка. – Послушаешь, какая у нее стереосистема, а встроенное меню, а кожаный салон, а кресла с поясничной поддержкой!

Мама потом будет звонить бабушке и истерить по поводу «безумных подарков от безумной бабки». Будет кричать: «Ма, ты совсем из ума выжила?! «Ауди S7» в шестнадцать лет?! Серьезно?!»

А бабушка ей скажет: «Ну извини, дочь, скаковые лошади – это прошлый век».

А мама ей: «Ты поняла, что я имею в виду! Я не позволю сесте ей в этого металлического монстра».

А бабушка ей: «Чтоб ты знала: внутри этого монстра безопасней, чем снаружи».

И так далее, и тому подобное.

На повышенных тонах и с не предназначенной для детских ушей лексикой.

Потом вмешается папа и попытается уговорить бабушку вернуть машину в салон: «Аманда... Вы же понимаете... Давайте представим... Возможно, не стоит торопиться... Все-таки это серьезный шаг...»

А бабушка ему скажет: «Если Лори не будет ездить на этой машине, то я вам наследство не оставлю!»

Так она любой спор заканчивает. Характер, что поделать...

Но сейчас, пока родители не узнали, – счастье есть! Мы с бабушкой залезли в салон и стали слушать Джастина Бибера, и почему-то было дико смешно, что я слушаю его вместе с собственной бабушкой. А бабушка качала головой в такт, как прожженная фанатка, и блаженно улыбалась...

Есть люди, которые отказываются стареть. Которые показывают старости средний палец и продолжают жить на полную, как будто время потеряло над ними власть. Они слушают современную музыку, они кайфуют от достижений прогресса (будь то навороченные мобильные телефоны, Интернет или всего лишь наращивание ресниц!), они с удовольствием общаются с молодежью и веселиться умеют так, что обзавидуешься в свои шестнадцать! Все это относится в моей бабушке. Вот такая она удивительная.

– Знаешь, что, – сказала ей, – теперь я знаю, на кого похожа. На тебя. Ты – самая сумасшедшая бабушка на свете!

– Спасибо, моя драгоценная, – улыбнулась она и поджала губы. Как будто вот-вот заплачет.

– Жаль, что я не смогу родить тебе правнучку, – вырвалось у меня. – Я буду последней безумицей в твоём роду.

– Тс-с, – прошептала бабушка. – Лучше послушай, что мальчонка поет.

Мальчонка тем временем запел песню «Believe»: *«Все начинается с маленькой искорки, которая угадала бы, если твое сердце не мечтало со мной. Где бы я был, если бы ты не верила в меня?..»*⁵

– Так вот, я мечтаю вместе с тобой, – продолжила бабушка и сжала мою ладонь. – Ты не одна, милая.

– Спасибо, ба. Хотя я не до конца понимаю, во что конкретно верить. В то, что мою болезнь научатся лечить? В то, что Сейдж окажется не моим братом, и я смогу выйти за него замуж? – нервно рассмеялась я. – Или есть другой способ почувствовать себя полноценной? Другой способ позволить себе касаться кого-то и не умереть?

«Если бы ты не верила в меня, разве узнал бы я, каково это – прикоснуться к небесам?!»
– воскликнул Джастин из динамиков, словно слышал наш разговор и участвовал в нем.

– К небесам! – простонала я. – Тут бы человека простого потрогать.

Бабушка рассмеялась, лучики морщинок окружили медово-карие глаза, и я рассмеялась вместе с ней.

– Просто помни, я рядом и мечтаю вместе с тобой, – повторила она. – А когда двое мечтают – это уже совсем не то что мечты одного. Запомнила?

– Запомнила.

– А теперь пересаживайся на пассажирское сиденье, моя ненаглядная. Поддадим газку! Мне сказали, что эта тележка разгоняется до ста километров в час за пять секунд! Старушке не терпится проверить!

Я переползла на пассажирское, клацнула пряжкой ремня безопасности и посмотрела на бабушку с неммым восторгом.

– Я буду твоим солдатом! Каждую секунду буду сражаться за твои мечты, малышка!⁶
– начала громко подпевать бабушка. Голос у нее сильный и красивый, такой только у потомственных аристократок и бывает. Заурчал мотор, мы выехали из гаража и направились к автостраде. – Поэтому не волнуйся, не плачь, нам не нужны крылья, чтобы лететь! Просто держи меня за руку!

* * *

Тем летом мне начали сниться сны.

Сны о прикосновениях.

В них я ходила без перчаток, ела ту же еду, что и другие люди за столом, обнималась с друзьями, целовала парня. А он целовал меня – и мои губы не покрывались ожогами.

Мое подсознание пыталось обрести во сне то, чего ему так не хватало в реальности. Я просыпалась вся взмокшая, разгоряченная, с пылающим лицом и липкими ладонями.

Однажды мне приснилось, что я танцую с незнакомым парнем. Его рука гладит меня по лицу, потом движется вниз, обрисовывая линию ключицы, сжимает грудь, соскальзывает все ниже и ниже, пока не касается пояса моих шорт.

⁵ Здесь и далее цитируется в переводе автора текст песни «Believe» канадского певца Джастина Бибера.

⁶ Цитируется в переводе автора текст песни «As long as you love me» канадского певца Джастина Бибера.

Но вот и пояс не останавливает ее. Рука упорно движется к тому месту, где соединяются мои ноги. А потом парень заглядывает мне в лицо, и я немею: это Сейдж. «Я люблю тебя, Тэйла», – говорит мне он, и я вскакиваю на кровати, мокрая от пота.

Той ночью я так и не смогла уснуть, завернулась в одеяло и отправилась гулять по бабушкиному «замку». Люблю темноту, она гораздо интересней света. Возможно, потому, что таит в себе неведомое: чудовищ и волшебников, монстров и фей. А в том мире, где есть волшебство, есть шанс, что меня сделают нормальной, здоровой, такой, как все. Легко, с помощью магии.

В гостиной мерцали ночные светильники, догорали поленья в камине, на овечьей шкуре спала Хэйзел. Я стянула из холодильника кусок марципанового теста и вышла в сад. Побродила среди деревьев, посмотрела на звезды, замерзла – холодные ночи не редкость для этих краев. Даже в июле температура может опуститься ниже пятнадцати. Потом отправилась обратно. Под ногами пружинил мокрый от вечерней росы газон, дул слабый ветер, и от аромата жимолости кружилась голова.

Я остановилась, чтобы отцепить от розового куста уголок одеяла, и в глубокой тишине расслышала странные звуки. То ли плач, то ли стон. Звуки доносились из западной спальни с бархатной занавеской и приоткрытым окном. Я подошла ближе и медленно, миллиметр за миллиметром, заглянула внутрь, за занавеску.

В комнате горел ночник, на развороченной кровати сплелись в одно целое два человеческих тела. Я узнала Мэри – бабушкину экономку, молодую женщину с белой, как молоко, кожей. А над ней, как инкуб, наконец нашедший себе добычу, навис Себастьян – бабушкин охранник и шофер, который обычно сопровождал бабушку там и сям, занимался ее машинами и следил за порядком. Треугольник его спины был обвит женскими руками и ногами, как стены замков бывают обвиты стеблями плюща. Он накрыл ее собою как гранитной плитой, а она прорастала сквозь него, текла через него рекой...

Я впервые увидела обнаженное мужское тело во всей его, так скажем, оригинальности. Массивное, загорелое, слепленное совершенно по-другому, нежели тело женщины. Спина с косыми широкими лентами мышц по бокам, руки и грудь в темных волосах и, наконец, – тот самый орган, который Себастьян раз за разом погружал в тело Мэри. Оказывается, пенис не просто «вводят», о чем в моих книгах, конечно же, умалчивалось. Им водят туда и обратно, им пронзают, им колют, как кинжалом... Мэри застонала. Неужели ей больно? Неужели то, что он с ней делает – это плохо?

Я была готова бросить камень в окно, закричать птицей или залаять собакой, чтобы вспугнуть его, чтобы остановить, но тут Мэри выгнула спину и попросила: «Сильнее!»

Мои ладони потеплели, я не могла пошевелиться. Вся кровь покинула руки, ноги, мозг и стекла в низ живота. Я сжала ноги так сильно, что онемели мышцы.

Мэри почти плакала: Себастьян ее, похоже, убить решил своей штуковиной, и она была не против. А потом она резко замолкла, ее руки соскользнули с его плеч и раскинулись в стороны. Себастьян еще пару раз вошел в нее, а потом опустился рядом, поцеловал ее и укрыл одеялом. Они о чем-то пошептались, обнялись и наконец погасили свет.

А я все стояла у окна, не чувствуя ни ног, ни рук – только болезненное онемение в животе, кишках и голове. И почему-то грусть.

* * *

Следующим утром к бабушке приехал Сейдж. Я не видела его целый месяц, но приезд меня не обрадовал. Я толком смотреть на него не могла, краснела и пыталась избегать. Теперь я знала, что именно он делает со своими девушками. И это знание больше не позволит мне прыгать к нему в кровать с утра пораньше с воплями «Доброе утро, дурачина!», не позволит разгуливать по дому в коротеньких пижамных шортиках и полупрозрачной майке, едва при-

крывающей грудь, или прыгать на спину дикой кошкой, когда он совсем не ждет. Я даже не уверена, смогу ли теперь просто обнять его, зная, на что способно это тело, когда он наедине со своей подругой...

Сейдж не мог не заметить всех этих перемен.

– Ну а сейчас-то чего дуешься, мелюзга? – спросил он, когда встретил меня рано утром в гостиной. Зола в камине уже успела остыть, и Сейдж собирался вычистить его перед вечерней топкой.

– Я уже не мелюзга, Сейдж.

– О-о-о, мелюзга злится! Осталось выяснить, на кого.

– На жизнь.

Сейдж чуть со смеху не покатылся. Он редко принимал меня всерьез. Для него я была глупенькой, маленькой младшей сестрой, которая особенно комична, когда пытается рассуждать *о жизни*. И его хихиканье не на шутку разозлило. Секунду назад я собиралась сбежать из гостиной, но теперь решила остаться и выплеснуть все из себя, как выплескивают на газон ведро грязной воды после уборки:

– Я видела, как мужчина и женщина занимались любовью.

Сейдж тут же прекратил хихикать и вздохнул.

Таким ты мне нравишься больше, болван.

– И? – спросил он, закатывая рукава и начиная выгребать пепел из камина.

– И лучше бы я этого не видела.

– Что, все было так ужасно? – попытался пошутить он, чтобы избежать очередного философского разговора.

– Нет, все было прекрасно, – процедила я сквозь зубы. – И в этом заключается проблема.

Сейдж не придумал, что сказать. Страхнул с рук серый пепел, подошел ко мне и просто обнял.

– Попытайся не думать об этом.

– Легко сказать, – покачала головой я. – Я сплю и вижу сны... Стыдно рассказывать, какие. Я хочу того же, чем занимаются все люди. Может, не сейчас, но попозже. И мысль, что я никогда не смогу, – она просто невыносима...

Сейдж потрепал меня по волосам и попытался успокоить, но чем больше я старалась взять себя в руки, тем хуже получалось.

– Лори, на самом деле в сексе нет ничего такого, из-за чего стоило бы так... сходить с ума. Это просто... да ничего особенного. Господи, сколько тут золы... Что тут вчера сожгли? Библиотеку Тринити?

– Ты что, думаешь, я за столько лет не научилась видеть, когда ты врешь? – рассвирепела я. – Совсем за дуру меня держишь? Вот ты, скажи мне честно, если бы пришлось выбирать между пенисом и рукой, ты бы отдал руку, так?

– Ну вот, снова начинаешь беситься! – воскликнул Сейдж, сжав в одной руке кочергу, а в другой – веник для золы.

– Значит, отдал бы. А как насчет ноги? Ты бы больше никогда не смог ходить, бегать, играть, но все равно, думаю, отдал бы ногу. Так?

– Лори!

– Ответь на простой вопрос! Отдал бы пенис или ногу?!

– Проклятье, ногу! – Сейдж отвернулся с бордовым лицом и снова с усердием Золушки принялся ковыряться в камине.

– Вот видишь! И все ради чего? Чтобы не лишиться самого прекрасного, что может дать тебе жизнь: ласки и прикосновений!

Сейдж фыркнул и поднял глаза к небу, изображая крайнюю степень несогласия, но мне не задурить голову. Я знала, что права.

– Ты готов отдать ногу, а может, даже обе ноги. А знаешь, что я могла бы отдать за шанс хоть однажды испытать все это? Я бы, наверно, могла отдать жизнь! Чужие руки обожгли бы, чужие поцелуи опалили всю кожу на лице, мужская... жидкость разъела бы изнутри, но зато я бы перед этим была желанной, любимой! – как заколдованная, заговорила я, наворачивая круги по гостиной и не видя ничего вокруг.

– Какая же ты дура, Долорес! – вскочил на ноги Сейдж, бросил кочергу с веником и встряхнул меня так, что клацнули зубы. И продолжил быстро, яростно: – Твоя жизнь бесценна и никакие потрапушки с кем бы то ни было не стоят ее!

А потом развернулся и вылетел из комнаты – так быстро, что аж пепел в воздухе закружился.

Ко мне подошла Хэйзел и ткнулась мокрым носом в бедро. Она всегда знала, когда я расстроена.

5

Просто перепутали бутылки

В самом конце лета, буквально за неделю до отъезда домой, я познакомилась с Джесси – сыном Себастьяна. Ему было восемнадцать или около того. Он заехал к отцу в гости, они вместе чинили винтажный бабушкин кабриолет.

Джесси ходил туда-сюда в промасленной майке, подавал отцу инструменты и курил «Силк Кат» у дверей гаража. Мэри приносила сэндвичи с тунцом и кофе с «Бейлисом». Я сидела неподалеку и дурачилась с Хэйзел. Акита была совсем старой и ленивой и отказывалась носить мне мячи, но поваляться со мной на траве по-прежнему любила.

– Мисс Макбрайд! Хотите сэндвич? – крикнула Мэри и помахала рукой.

Я встала и направилась к гаражу, на ходу приглаживая волосы. Есть не слишком хотелось, но это была возможность поближе рассмотреть незнакомого парня. Я редко встречала новых людей, и они всегда вызывали интерес.

Парень выпустил изо рта густой сизый дым и протянул мне ладонь:

– Привет. Я Джесси.

Я выставила руку в латексной перчатке.

– Долорес.

Тот озадаченно посмотрел на нее и неловко пожал пальцы.

– Готовлюсь к поступлению в медицинский, привыкаю к перчаткам, – поторопилась соврать я, пока он не успел подумать, что у меня какая-нибудь кожная болезнь. Надеюсь, Мэри и Себастьян не слишком много знают. Мэри в курсе, что мне можно есть только из стерилизованной посуды, но, кажется, думает, что у меня просто слабый желудок.

– Я видел твою машину, роскошная, – Джесси кивнул на «S7», стоящую там же, в гараже.

– Спасибо, – растаяла я.

– Прокатишь меня как-нибудь?

– У меня еще нет прав. Бабушка слегка... поторопилась.

– Хочешь, поучу тебя?

Его отец закатил глаза и вытер руки о промасленную тряпку. Мэри протянула мне аппетитный бутерброд, завернутый в целлофан.

– Не буду против, – кивнула я. – Надеюсь, ты... опытный водитель.

– Пока никто не жаловался.

Все это звучало двусмысленно и ужасно мне нравилось. Хотелось взять его сигарету и сделать затяжку. Да, я знала, что это будет то же самое, что обхватить губами раскаленный гвоздь – потом вся кожа слезет. Но эти мысли все равно вертелись в голове снова и снова.

* * *

Джесси и я сидели в салоне моей машины. Мне было и страшно, и радостно одновременно. Казалось, это первый раз, когда я нахожусь так близко к постороннему человеку. Да еще и привлекательному парню. Джесси положил мою руку на рычаг переключения скоростей.

– Только «ручка», только хардкор? – подмигнул он.

– Бабушка выбирала.

– Я слышал, она женщина хоть куда.

– О да. Называется «пощады не проси».

– А как насчет тебя?

Моя рука все еще лежала на рычаге передач, а рука Джесси – на моей.

– Что насчет меня? – хлопнула ресницами я.

– У тебя можно просить пощады?

Он шутил, может быть, слегка флиртовал, но у меня перед глазами тут же возник Вильям, закрывающий голову и лицо руками, пока я натравливала на него собаку.

– Я хорошая девочка, сама доброта, – ответила я.

Джесси рассмеялся, не слыша в моем голосе иронии. Улыбка – просто роскошная. Я подумала, он недолго будет помогать своему отцу чинить машины. Какое-нибудь модельное агентство обязательно наложит на него лапу, разоденет в шипованую кожу, научит смотреть так, что от одного взгляда будут плавиться стены, – что уж говорить о сердцах...

– Жаль, что несовершеннолетняя, – ответил он и убрал ладонь с моей руки.

Я посмотрела на его губы, и на меня снова накатило то самое ощущение, которое я испытала в саду, глядя в чужое окно. Низ живота налился теплом, пульсирующим и тяжелым. А в голове завертелась одна мысль: за поцелуй придется всего-то месяцок полежать в больнице.

Всего-то месяцок.

* * *

Мы с Джесси обменялись номерами телефонов, и тем же вечером я получила от него первое СМС. «Сладких снов. Надеюсь, до завтрашнего дня ты не забудешь, где газ, а где тормоз:»)»

Меня аж из постели выбросило. Я закружила по комнате, перебирая в уме слова, и тут же настрочила ответ: «Надеюсь, ты до завтрашнего дня не забудешь мое имя?»

Тишина, но совсем короткая. Трель входящего сообщения: «Не смогу забыть его, даже если захочу. Оно вертится у меня в голове».

Я забралась в постель и тут же выпрыгнула обратно. Почему все это так возбуждает? Ведь это всего лишь переписка, слова, отображающиеся на экране моего телефона.

«А сам тем временем сидишь в баре и кадришь девчонок. Угадала?» – написала я.

«Даже близко нет. Вокруг темнота, и я думаю о тебе».

«Так я и поверила. Передавай привет бармену. И много не пей. Тебе завтра меня учить», – подколола я его.

«Бармена здесь и близко нет. Здесь только деревья, ночь, тишина и твое окно».

Что?!

Я вскочила с постели и отодвинула занавеску. В саду стоял Джесси и махал рукой.

Я не видела лица в полумраке, но рассмотрела, что он подносит телефон к уху. Мой тут же взорвался рингтоном. Я подскочила от неожиданности и мгновенно приняла вызов.

– Ты что, с ума сошел?! Что ты тут делаешь?! – хихикнула я в трубку.

– Остался у отца, твоя бабушка была не против.

– А что, думаешь, она скажет, если узнает, что я тусовалась с тобой среди ночи?

– Думаю, голову мне открутит.

– Тогда мы ей не скажем. Мне нравится твоя голова.

Я набросила на плечи куртку, натянула перчатки и двинулась к выходу на цыпочках, тихо-тихо, чтоб ни одна душа не услышала.

Вышла за дверь и чуть ли не врезалась в Джесси, стоящего на пороге.

– Ну что, садимся в машину и сбегает, ты и я? – хрипло прошептал он.

Я резко выдохнула.

– Я пошутил, – рассмеялся он. – Но ты успела просчитать в уме все варианты и уже решила, что положишь в чемодан. Так?

Джесси сел на ступеньку и протянул мне бутылку «Хоп-Хауса-Тринадцать».

– Будешь?

Я знала, что это хорошее пиво, Сейдж любит его. Я тоже уже пробовала и с удовольствием выпью снова в компании Джесси.

– Оки-доки, только подожди минутку. – Я забежала в дом, отыскала на кухне стерилизующие салфетки и хорошенько обтерла бутылку от отпечатков пальцев Джесси. Заодно вскрыла ее чистым ножом, прихватила одну из диванных подушек и направилась к двери.

Внезапно мне преградила дорогу Хэйзел. Смущенно завилыла хвостом, ткнулась носом в бедро.

– Иди спать, завтра весь день проведем вместе, обещаю. – Я потрепала ее по голове и открыла было дверь, но акита вцепилась зубами в кончик моей пижамы и уперлась лапами в пол.

– Хэйзел, место, – сказала я строго. Я хотела, чтобы собака осталась внутри. Она очень любила охранять меня, а Джесси – не тот человек, от которого нужна была защита.

Хэйзел послушно легла у камина, положив голову на лапы и глядя на меня с неммым упреком.

– Ну не дуйся, завтра я вся твоя! – пообещала и вышла за дверь.

Джесси ждал меня. Улыбнулся, когда увидел, как я подкладываю под попу подушку и устраиваюсь сверху, как птица на гнезде. Он поднес к губам бутылку и сделал глоток. Я тоже отпила. По языку потек сладковатый лагер с легким фруктовым ароматом и привкусом абрикосов.

– Так что привело вас сюда, благородный рыцарь, в такой час?

– Прекрасная принцесса, заточенная в замке. Огромные глаза, дерзкая улыбка, латексные перчатки...

Я хихикнула. Джесси отставил бутылку и взял меня за руку, разглядывая ладонь.

– Я принес принцессе волшебный нектар, и она прилетела вниз, учуяв его запах. Как винная бабочка.

– Жаль, что к нектару соленых орешков нет, – рассмеялась я, тоже отставляя бутылку. – Ладно, продолжай. Как думаешь, что будет дальше?

– Дальше рыцарь скажет, что он небогат, но бабушка завещала ему дом в графстве Донегал, а еще он играет за «Шемрок Роверс»⁷ и у него есть письмо о приеме в Тринити-колледж.

– Вау. Очень даже неплохо, господин рыцарь.

– А что ответит принцесса? – подмигнул он. Вздых вырвался из моей груди:

– А принцесса скажет, что живет в заколдованном замке, имя которому Стигмалион. И замок непустит ее ни к какому рыцарю. А за каждую попытку сбежать будет мстить – оставлять на ее теле стигму. Знаешь, что такое стигма? Это ожог, клеймо, которым древние греки помечали рабов и преступников. Так и Стигмалион будет клеймить пленницу. Раз за разом, пока боль не победит. Боль всегда побеждает.

Джесси пристально посмотрел на меня, должно быть, пытаясь понять, что за бред я несу и не пора ли забрать бутылку.

Бутылку, которую я подозрительно быстро опустошила. Еще пять минут назад она была почти полной. Я подняла ее и стала рассматривать: сквозь желтое стекло просвечивало ночное небо и медь луны, – она почти пуста. Потом глянула на бутылку Джесси: та была почти полная.

– Постой... кажется, мы перепутали бутылки.

– Кажется, да.

Волна адреналина поднялась внутри и растеклась по венам. Значит, молекулы его слюны уже у меня во рту! Еще примерно тринадцать минут – и рот наполнится жжением. На коже слизистой начнут появляться пузырьки, наполненные прозрачной сукровицей. Их будет ста-

⁷ Shamrock Rovers – ирландский футбольный клуб из Дублина. Самый титулованный футбольный клуб Ирландии.

новиться все больше и больше, они начнут сливаться в большие волдыри. А волдыри быстро начнут лопаться, обнажая кровоточащие раны.

Потом я, скорее всего, начну задыхаться и потеряю сознание от боли. Очнусь уже в палате реанимации с бинтами на лице... Будет больно, очень больно...

– А что? Ты категорически против обмена микробами? – задорно улыбнулся Джесси.

И тут до меня дошло, что бояться – уже поздно. Что в реанимации уже приготовлена для меня палата. Что судьба уже бросила кости, и мне не остается ничего другого, как...

Потратить оставшиеся тринадцать минут с пользой.

Время пошло.

Я стащила перчатки, обняла Джесси за шею, придвинулась ближе.

– Я только за, – выдохнула я и прижалась губами к его.

Он удивился моей решительности, но не стал задавать вопросов, а молча принял все мои подарки. Стянул меня с подушки и усадил к себе на колени. Я начала целовать его, как умела, как подсказывала мне природа. А Джесси – целовал меня. Какое блаженство. Страх ушел. Джесси начал посасывать мою нижнюю губу, я – его верхнюю. Он закрыл глаза от наслаждения, и я погладила его лицо: кожа на ощупь такая мягкая, только щетина на подбородке слегка колется...

Теперь я была почти рада, что перепутала бутылки. Все это стоило каждого дня, что мне предстояло провести в больнице.

– Долорес, – застонал Джесси, теперь голос был совсем другой, охрипший. Его рука нырнула под мою майку и ласково сжала грудь. Я позволила ему и это. Одним ожогом больше, одним меньше – разницы нет.

– Будешь помнить меня, когда все закончится? – прошептала я, уже чувствуя едва заметное жжение на губах.

– Закончится? Ты уже собралась бежать? – возразил он.

– Я не хочу бежать, ты сам убежишь, когда узнаешь...

– Тебе не шестнадцать? – пробормотал он. – Еще меньше?

– Прощай, Джесси, я буду помнить тебя.

Губы жгло так, что невозможно было терпеть. В легких тоже разливалось пламя, мешающее говорить и дышать. Я поцеловала парня в лоб и встала с его колен. Он удержал меня за руку.

– Долорес... Останься...

– Не могу. Уходи. Но прошу тебя: что бы ни случилось, – ты ничего не знаешь!

Я вбежала в дом и захлопнула дверь. Прижала руку к губам – боже, как больно! – и рванула по лестнице наверх, перескакивая по две ступеньки за раз. Хэйзел вскочила с коврика и побежала за мной. Я ворвалась в чужую спальню и коснулась плеча спящего брата.

– Сейдж, Сейдж! Проснись! Я перепутала в темноте стаканы и, видимо, попила из чужого... Ужасная боль... Вызывай скорую...

Мой Стигмалион уже начал мстить.

6

Здравствуй, мир. Меня зовут Долорес

Мама постарела. Я вдруг заметила это. Вокруг рта тонкие морщины. На лбу несколько горизонтальных линий. Глаза уставшие, заплаканные. Никаких слов не хватит, чтобы вымолить прощение...

Рядом сидел, обняв ее за плечи, Сейдж. Мрачный, как грозовое облако, на подбородке щетина – пару дней не брился, глаза красные.

Только папы не было. Хорошо бы, он тоже пришел... И бабушка. А может, и не нужно им сюда приходиться. Я все равно не смогу смотреть им в глаза...

– Ничего не говори, будет больно, очень сильные ожоги, – всхлипнула мама.

Я не смогла бы ничего сказать, даже если бы попыталась: у меня полголовы было забинтовано, и бинты тянулись поперек рта, а рот был забит горькой от лекарств ватой.

– Помнишь что-нибудь?

Я покачала головой.

– Зато Джесси помнит, – процедил сквозь зубы брат.

– Сейдж, не сейчас, – попросила его мама.

– А почему не сейчас? В следующий раз ее могут не спасти, ты знаешь! Она же намеренно это сделала, черт побери!

Я подняла руку – она тоже была перебинтована, только пальцы торчали – и жестом попросила бумагу и ручку. Мама порылась в сумочке и вынула блокнот и карандаш.

«Сколько я здесь?» – написала я так коряво, что сама бы не смогла прочесть. Но мама легко понимала мою писанину:

– Третий день.

«Как Джесси? Он знает, где я и почему?»

– Знает, – кивнула мама.

«Черт», – так и написала. Мама прочла, и горькая улыбка тронула ее губы.

«Он придет?»

– Ты хочешь этого?

«Да».

– Тогда мы попросим его, – заверила мама.

– Да не придет он! – перебил Сейдж и запустил руки в спутанные волосы.

«Почему?» – написала я, рука стала дрожать.

Мама вздохнула и переглянулась с Сейджем.

– Он не спрашивал о тебе с того самого вечера, когда тебя забрала скорая, – выпалил Сейдж. – Ему пофиг!

– Сынок, ты слишком резок...

– Мам, не нужно ее обнадеживать. Джесси не из тех, кто будет сидеть у ее постели, и лучше сказать об этом сразу.

Я хотела задать еще миллион вопросов и получить на все ответы, но рука утомилась и уронила карандаш.

Ничего, все заживет. И тогда я спрошу все, что хочу. Зато я трогала этой рукой Джесси. Его лицо. И волосы. И плечи.

– Поспи, хорошо? – попросила мама. – Завтра будет лучше, чем сегодня.

Спать я не могла. Мама оставила блокнот и карандаш, и я начала рисовать. Сначала появилась решетка, а потом пленница. Она вцепилась руками в стальные прутья и смотрела на меня огромным испуганным глазом с широким зрачком.

«Стигмалион» – вывела я сверху неровными буквами. И дописала ниже четыре корявые строки:

*«Принцесса была прекрасная, была смелая.
Ожоги были красные, а шрамы белые.
Принцесса лбом стучала в железные прутья,
Принцесса сбежать мечтала... Но больше не будет».*

* * *

Прошла еще одна неделя в больнице.

Каждый день мне промывали лекарствами рот, покрывали губы свежими полосками заживляющей ткани, перебинтовывали ожоги на лице. Хорошо, что Джесси не целовал мои глаза – наверное, я бы ослепла...

Больше всего на свете мне хотелось поговорить с Джесси. И меньше всего на свете хотелось, чтобы он увидел мое лицо. Я видела себя в зеркале, которое выпросила у медсестры. Все не так страшно: просто новая кожа на месте ожогов – не бледно-розовая, а ярко-красная. Нужно время, чтобы она восстановилась и побледнела. Возможно, понадобится пластика губ, но еще точно неизвестно. Слизистая во рту заживала быстрее всего: я уже могла двигать языком, чувствовала вкус лекарств. Супа. И слез, когда они стекали по щекам и попадали в рот: соленые.

Я не знала, сколько еще смогу ждать, прежде чем не сдержусь, выпрошу у медсестры телефон и позвоню Джесси.

Родные приходили каждый день. Чаще всего Сейдж. Был зол на меня страшно.

– Ты – бессовестная, эгоистичная дура, – повторял он каждый день, вливая жидкую еду мне в рот.

– Знаю, – бормотала я еле-еле. Если раздвину губы шире, то лопнет новая кожа, поэтому приходилось говорить, почти не раскрывая рта.

– Бессовестная, безответственная, сумасшедшая, бестолковая. Родители этого не скажут, а от меня – получай.

– Ты знаешь, что такое «бритва Хэнлона»? – пробубнила я.

– Самое время поумничать.

– Я не умничаю. Я пытаюсь объяснить. «Бритва Хэнлона» – методологический принцип, который гласит: «Не приписывайте злomu умыслу то, что можно объяснить обыкновенной глупостью». Вот и здесь не было никакого злого умысла...

– Даже не пытайся сбить меня с толку, – хмуро предупредил Сейдж.

– Сейдж, я не планировала все это! Клянусь! Мы просто перепутали бутылки. Случайно. Я потеряла бдительность. А потом подумала, что раз уж все равно валяться в реанимации...

– Если бы ты просто отпила из его бутылки, то все было бы не так плохо! Господи, поверить не могу, что ума в твоей тупой башке так мало.

– Наверно, пиво в голову ударило...

«И его поцелуй».

– Пиво, пиво... Отделалась бы ожогом на губах, а так посмотри на себя – все лицо, вся шея, все руки... Еще и на груди отпечаток ладони! Да не смотри на меня так. Увидел, когда срывал с тебя одежду и поливал водой, чтобы смыть следы! Ты этого уже не помнишь, потеряла сознание.

– Прости...

– Не прощу. Не прощу, Долорес. Скажи, что дальше? Ты и дальше будешь калечить себя, кидаясь парням в объятия?

– Я уже испытала все, что хотела испытать, Сейдж. Теперь я знаю, как это... Так что... Принцесса снова в Стигмалионе. В платье нарядном, на троне, в короне. Перчатки, вуаль, меховое мантио. Только бы шрамы не видел никто.

– Что это еще за стишочки?

– Сама придумываю. Поэма о Принцессе Долорес и заколдованном замке. Где ее жестоко наказывают за малейшие провинности и откуда она, бедная, не может убежать...

Сейдж придвинул стул к моей кровати и медленно сказал, очевидно, пытаясь донести до меня нечто очень важное:

– Каждый из нас живет в замке, из которого не может убежать, если тебя это утешит, Лори. Никто из нас не выбирает свое тело. Какое дали – в таком и живем. И, поверь, многим повезло куда меньше, чем тебе. Слепые, глухие, безногие, изувеченные, страдающие от всяческих заболеваний, генетических нарушений, всевозможных форм неполноценности... Никто из нас не может убежать из своего замка! Всем приходится чем-то жертвовать. Безногие не могут ощутить мягкую траву под ногами. Глухие не могут слышать шум океана. Карлики не играют в баскетбол, а колясочники не танцуют танго! А люди вроде тебя не могут ни к кому прикасаться! Собери всю волю в кулак и прими же это, наконец, со всей ответственностью!.. Вкусно?

Сейдж влил мне в рот очередную ложку жидкой овсянки.

– Вкусно.

– И еще. Если я впредь увижу возле тебя хоть одного парня, расскажу ему, что будет, если он притронется к тебе. Не поверит – подарю ему историю твоей болезни. С фотографиями.

– Не посмеешь, – возразила я так энергично, что каша потекла по подбородку.

– Я больше не союзник тебе, Лори. Я – твой надзиратель.

* * *

Мне таки удалось разжалобить медсестру и выпросить телефон. Джесси ответил не сразу. Гудка с седьмого: я считала, пока шел вызов.

– Алло? – сказал он.

– Джесси?

– Кто это?

– Долорес.

Он замолчал, выдохнул, потом вдохнул и только тогда спросил:

– Как ты?

– Более-менее... Хочу увидеть тебя.

Еще один выдох.

– Не думаю, что это возможно.

Я вжала голову в плечи. Меня словно морозным воздухом обдало.

– Ты... занят?

– Послушай... Твой брат все рассказал.

– Что именно?

– Что ты... не такая, как все.

– И тебя это отталкивает?

Джесси издал нечто, похожее на смешок, а потом сказал:

– Той ночью, когда ты убежала, испуганная до чертиков, – думаешь, я ушел? Остался. И не зря. Ты кричала так громко, что перебудила весь дом. Потом кричал твой брат. Орал как чокнутый: «Только посмей уйти! Только посмей уйти!» Потом я начал барабанить в дверь,

думая, что он избивает тебя. Мне никто не открыл. Зато через пару минут приехала скорая. Врачам открыли. А потом тебя вывезли из дома с окровавленным лицом. Я был уверен, что это дело рук твоего Сейджа. Налетел на него, был готов убить, уложить лицом в землю, дать любые показания! А потом он схватил меня в охапку и заставил слушать то, что говорит. И тогда я почувствовал себя просто... Ты хоть представляешь, что я чувствовал, Долорес? Ты хоть представляешь?

Я не смогла ничего ответить. Если нужно было отвечать.

– Ты должна была все рассказать, черт возьми!

– И ты бы все равно поцеловал меня? – спросила я с сарказмом.

– Конечно, – съязвил Джесси. – Я же, блин, обожаю укладывать девушек в реанимацию!

Ты с таким же успехом могла бы попросить избить тебя до полусмерти. Мясником – вот кем я себя чувствовал! Господи, а если бы ты умерла?

– Я и так умираю, Джесси. Каждый день. Каждые сутки – шажочек к могиле. Просто с поцелуями умирать веселей.

– Это здорово, если твоя своеобразная философия помогает жить, Долорес, но... она неправильная. Извращенная. Она угробит тебя раньше времени.

Мне показалось, что он вот-вот бросит трубку, и попыталась поскорее объясниться:

– Джесси, возможно, я делаю ошибки. Ужасные. И не беру в расчет чувства других людей... Я так долго жила вне социума, что, скорее всего, вовсе не умею этого делать. Но я хочу учиться. Хочу меняться. Хочу иметь друзей. У нас, ясное дело, ничего не выгорит, но... ты можешь приехать просто как друг? Поговорить о чем-нибудь. Мне было хорошо с тобой.

– Прости, думаю, это плохая идея... Надеюсь, ты идешь на поправку, – и он прервал звонок.

Я не сразу поверила, что он все-таки бросил трубку. Бог телефонных гудков смеялся мне в ухо. Я уронила мобильный в складки одеяла и, наверное, стала белее простыней, потому что медсестра подошла и заглянула мне в глаза.

– Деточка, если парень отказывается приехать, когда ты в больнице и просишь об этом, то... он не стоит того, чтобы о нем вообще думать.

– Он очень злится... И имеет право...

– И уж тем более не стоит искать этому засранцу оправдание!

* * *

«Эгоистичная, бессовестная, безответственная, сумасшедшая, бестолковая...» – они как сговорились. Считали меня чуть ли не самоубийцей. А мне всего лишь захотелось поцеловать парня. Захотелось того, чего хотят все девчонки в моем возрасте. Впрочем, в моем случае поцелуй и попытка самоубийства – это одно и то же.

Наверное, все ужаснейшие ошибки начинаются с маленького невинного желания. Тебе хочется красивое селфи – и вот ты уже лезешь на крышу. Хочется внимания – и ты бежишь на встречу с незнакомцем из интернета. Хочется путешествий и адреналина – цепляешься за последний вагон поезда. Хочется незнакомых ощущений – и ты суешь странную таблетку в рот.

Но кому охота думать о последствиях? Ведь это скучно.

Вскоре меня выписали и отправили долечиваться домой, в Атлон. Я вернулась в родительский дом, и мы устроили большой праздник: папа, мама, я, Сейдж, Мелисса и приехавшая из Донегала бабушка.

Передо мной поставили тарелку обалденно вкусной еды, прошедшей мыслимую и немислимую обработку. Мама украсила дом и зажгла свечи. Бабушка включила Джастина Бибера и весь вечер мурлыкала себе под нос: «Если бы я мог умере-е-е-ть в твоих рука-а-а-ах, я был бы не против...», – пока мама на нее не шикнула. Папа открыл бутылку шампанского и налил всем

(кроме меня) по бокалу. Сейдж весь вечер обнимал меня от имени всех членов семьи: «Это от бабушки, это от папы, это от мамы. А вот от меня не дождешься, я все еще зол, очень зол».

– Здесь только Хэйзел не хватает, – заметила я. – Бабуль, нужно было ее тоже привезти!

– Хэйзел слишком стара для таких поездок, пусть отдыхает, – ответил за бабушку Сейдж, за что получил от бабушки испепеляющий взгляд. Кто-кто, а Аманда Стэнфорд не нуждается в секретарях.

– Я обещала ей, что поиграю с ней, и вот как получилось... Когда я смогу снова поехать в Донегал?

Домочадцы неловко переглянулись. Это все из-за Джесси. Если и позволят теперь снова поехать в Донегал, то глаз с меня не спустят...

– Я не буду искать с ним встреч, клянусь! Просто хочу к своей собаке. И сделать то, что обещала.

– Лори, время не самое... – сказал Сейдж.

– Даже не знаю, – сказала мама.

– Долорес, давай обсудим это позже? – сказал папа.

– Да скажите же ей, наконец! – психанула бабушка и допила залпом весь виски в стакане.

– Сказать что? – насторожилась я.

Сейдж подошел ко мне и крепко обнял, а потом сказал то, что я должна была однажды услышать, но в ту минуту оказалась совсем не готова...

– Хэйзел умерла. Мэри нашла ее утром мертвой у камина. Мы уже похоронили ее... Прости, что не сказали раньше. Время было неподходящее...

И на этом праздник закончился.

Я ушла в свою комнату оплакать потерю. Ближе к ночи пришла бабушка, и я потребовала подробностей. Лучше бы не требовала... Она рассказала, что Сейджу пришлось посадить акиту на привязь, пока врачи забирали меня. Собака безумствовала, не хотела отпускать, собиралась защищать до последнего. От всех сразу. Хэйзел видела мое тело, слышала крики, чувствовала запах моей крови. Думаю, все произошедшее стало шоком для нее и остановило ее сердце.

Если бы я знала, что подобное возможно, что животное способно так глубоко переживать болезнь своего хозяина, я бы никогда, никогда, никогда не прикоснулась к Джесси.

– Я виновата в ее смерти...

– Нельзя сказать наверняка, но об одном ты должна помнить: твои поступки влияют не только на твою жизнь, но и на жизнь твоих близких. Ты рушишь свой потолок, а балки падают и на их головы тоже. Бросаешь вазы на пол, а осколки ранят тех, кто рядом... Долорес, прежде чем сделать что-либо... настолько рискованное... представь убитого горем Сейджа, рыдающего отца, впавшую в шок маму, меня, пьющую сердечные капли. Договорились?

– Звучит так, будто я вовсе не принадлежу себе...

– Не принадлежишь.

– А когда я начну принадлежать?

– Когда чужая боль начнет волновать тебя больше, чем собственная.

* * *

Смерть Хэйзел оставила на мне неизгладимый отпечаток. На следующий день я просто не смогла заставить себя подняться с постели. Словно вырубил какой-то внутренний генератор, я отключилась от мироздания – и энергия покинула меня. Не хотелось двигаться, есть, говорить. Я просто лежала в кровати, изредка впадая в похожее на сон состояние. Но этот сон длился недолго и совсем не приносил облегчения.

Меня вывели из этого состояния медикаментозно, когда заметили, что я начала стремительно терять вес. Родители и врачи начали буквально вливать в меня какие-то лекарства,

которые заставили умерший «генератор» снова работать. Впервые за долгое время мне стало интересно, что происходит за окном и что будет на ужин.

Я понемногу пришла в себя, но поняла, что еще раз подобный удар не переживу. Моя психика не слишком приспособлена для одиночных сражений. И мне нельзя оставаться одной, если какая-то беда вдруг схватит за шкуру и швырнет лицом об землю. Я просто не выживу, не переживу еще одну потерю.

* * *

Пластика губ все-таки потребовалась: меня уже записали на прием к пластическому хирургу. Также пришлось удалять лазером шрамы на лице – а вот это было все равно что с роем пчел целоваться. Еще пару недель в бинтах, с обожженными кусками кожи. Теперь я знала, что чувствуют жертвы косметической хирургии: твоего лица у тебя не будет. Будет другое, и тебе с ним жить.

– Каково это, мистер Лайонс, возвращать женщинам утраченную красоту? – спросила у своего пластического хирурга. Он совсем молодой, тридцати нет. На губах у него играла улыбка, и в глазах тоже. Наверное, смешно было видеть шестнадцатилетнюю, задающую подобные вопросы.

– Пожалуй, мне это нравится, Долорес, – ответил он, щуря карие глаза.

– Чувствуете себя богом?

– Разве что самую капельку, – хмыкнул он, поворачивая мое лицо из стороны в сторону.

– Кстати, не старайтесь особо. Мне все равно, как я буду выглядеть. Мне некого будет кадрить красивым личиком.

– Господи, что я вижу?! Девушку, которой все равно, что будет с ее лицом! – шутливо воскликнул он.

– Я серьезно. У меня редкая форма врожденной аллергии на молекулы жира, пота и прочих биологических жидкостей других людей. Все это, – я указала на свое лицо, – результат обычных поцелуев. Парень просто поцеловал меня...

– Я заглядывал в твою историю болезни... Очень жаль, Долорес, очень жаль. Но знаешь что? От меня ты все-таки уйдешь красавицей. Станешь лучше, чем была.

– Зря стараться будете.

– А вдруг не зря? Прогресс не стоит на месте. Сегодня мы умеем лечить болезни, от которых вчера умирали. А вдруг завтра найдется лекарство и от твоей аллергии?

– Большинство лекарств изобретают только затем, чтобы потом их продавать. Чем более редка и уникальна болезнь, тем меньше вероятность, что какой-то чудака захочет изобрести от нее лекарство, выкинув миллионы долларов на исследования и изобретение препарата... Люди с редкими синдромами и болезнями никогда не дождутся лекарства. Любой препарат – это бизнес-проект в первую очередь и должен хотя бы окупить затраты на его создание. Но в случае с редкими болезнями – это все равно что устраивать пышный банкет с лобстерами и шампанским, на который сможет прийти лишь пара бродяг.

Мистер Лайонс отложил карандаш, которым делал пометки в истории моей болезни, и терпеливо сказал:

– Ты очень умная, Долорес. В том, что ты говоришь, конечно, есть своя правда, но лично я верю в то, что не все в мире решают потенциальные прибыли. Есть благотворительные организации, которые могут спонсировать исследования твоей болезни, есть ученые-энтузиасты, есть чудеса, в конце концов...

– Я не верю в чудеса.

– Но они случаются! Вчера я выиграл пятьсот евро в лотерею! – хихикнул доктор Лайонс. И уже серьезно добавил: – Слушай, а ты не хотела бы начать вести свой блог, Долорес?

В Инстаграме, например, или в Фейсбуке. Рассказать всему миру о своей болезни, о том, как живешь, с какими трудностями сталкиваешься. Ты очень умная, забавная, дерзкая. Ты смогла бы не только привлечь внимание общественности к людям с редкими генетическими нарушениями, но и, возможно, найти себе подобных.

Мой внутренний зверек насторожился, поднял нос и зашевелил усами.

– Ты поняла меня, да? Я постараюсь, чтобы отсюда ты ушла такой же красивой, какой была до... того самого парня. А ты постарайся не отчаиваться. Кстати, по поводу ожога на груди: моя ассистентка назначит тебе новый прием на...

– Оставьте. Я не хочу его убирать...

– Уверена?

– На все сто.

Обычно люди избавляются от шрамов, потому что со шрамами связаны плохие воспоминания. Но что, если шрам – напоминание о чем-то прекрасном?

* * *

В тот же вечер я завела себе аккаунт в Инстаграме и выложила туда свою первую фотографию и первое сообщение:

«Здравствуй, мир. Меня зовут Долорес, и у меня редкое аутоиммунное нарушение, которое заставляет клетки моего иммунитета работать не так, как они в норме должны работать.

Обычно иммунная система защищает нас от опасных и чужеродных элементов. Да-да, приходит иммунная «полиция» и стреляет разрывными пулями по «преступникам».

Но иногда иммунитет принимает за врагов вполне безобидные вещества, да еще и реагирует на них так бурно, что превышает все пределы «допустимой самообороны». «Полиция» достает не пистолет, а гранатомет и начинает стрелять из него во все стороны. Организм повреждает собственные ткани, вызывает отеки, сыпь и проблемы с дыханием. Он так сильно стремится уничтожить аллерген, что готов вместе с ним уничтожить и себя. Это уже не полицейский, а натуральный террорист-смертник! Именно этот агрессивный ответ на элементы окружающей среды и называется аллергией.

Люди могут испытывать аллергию на все что угодно, кроме дистиллированной воды: на орехи и яйца, на пыльцу и клещей, на рыбу и пух. Но мой организм принимает за «врагов» биологические жидкости других людей: пот, кровь, слюну. Распознает малейшие отличия в молекулах – и начинает атаку. Причем жестокою.

Проще говоря: я покрываюсь отеками, ранами и могу умереть от болевого шока, если кто-нибудь тронет меня.

Весело, да? Я не могу поцеловать парня, обнять родителей, есть попкорн из одной миски с подружкой. Я неприкасаемая. Сложно ли быть мной? Очень. Иногда хочется умереть. Тем более что это легко – нужно просто броситься кому-нибудь в объятия.

Но потом я вспоминаю о людях, которые любят меня, и о том, что если совсем уж прижмет, – то умереть я всегда успею. И еще я думаю, что в мире столько вещей, чудес и возможностей, которые так жалко упускать.

Я хочу, чтобы Господь Бог на том свете спросил меня: «Что ты успела сделать за свою жизнь, Долорес?» и тогда я начну перечислять – и этот список будет таким сумасшедшим, что Бог будет хлопать себя по коленям и хохотать.

«Я путешествовала, вела блог, радовалась и любила, побывала там, там и даже там! Я встретила его, ее и даже их! Я делала это, это и вот это! И даже, – добавлю шепотом, – успела поцеловать парня!».

И на этих словах Бог тут же подпрыгнет на своем троне и воскликнет:

– Даже это, Долорес Макбрайд?!

- Да! – рассмеюсь я.
- Ну ты даешь! – скажет Он.
- Ага! – скажу я.
- Вот уж кто не зря жизнь прожил!

Примерно так все и будет! Мне будет чем повеселить старика. Я не из тех, кто скажет Ему, потупив глаза: «Сорян, батя, я только и делала, что грустила, распускала нюни и в пятнадцать швырнула себя под поезд». Какая скука. А скука – это не про меня».

7

Охотники за правдой

В мой Инстаграм никто не заглядывал. Мир был слишком огромен, чтобы обратить внимание на историю одного человека. Все равно что заставить джунгли слушать трепетание крыльев одной маленькой бабочки. Я потихоньку цедила свою скромную историю среди котят, светских сплетен и фотографий салатиков, а в подписчиках у меня были только Сейдж, бабушка и мама.

А потом, примерно полгода спустя, случилось нечто удивительное. Кто-то с ником Craig_007 написал мне в Инстаграме: «Долорес, ты классная! Знаю, что тебя нельзя обнимать, поэтому шлю тебе виртуальные объятия!»

Я и моя семья были первыми в мире чудаками, которые отметили комментарий в Инстаграме ужином в ресторане.

С людьми, мне подобными, дело обстояло еще хуже, чем просто с читателями. Честно говоря, я и не думала найти кого-то. Ведь все эти годы я считала себя уникальной.

Однако в один прекрасный день я увидела письмо в своем электронном ящике:

«Долорес, я с трудом в это верю, но, кажется, мы нашли друг друга. У меня такой же диагноз, как у тебя [далее автор письма сделал три ошибки в диагнозе]. Может быть, встретимся где-нибудь и выпьем кофе? [Кофе? В кафе? Из нестерилизованных чашек? Приятель, ты уверен?] Я живу недалеко от Атлона, могу приехать. Буду ждать ответа! Никаких объятий, обещаю! [Смущенный смайлик]. Аарон».

Кажется, еще никогда в жизни я не прыгала так высоко. Мы договорились, что встретимся в кафе «Costa», и помешать мне прийти туда смог бы только перелом ноги. Или Сейдж. Он глаз с меня не спускал после того случая.

Но Сейджу я говорить не собиралась.

* * *

Аарон – невысокий щуплый парнишка в низко надвинутой кепке и вытертой джинсовой куртке – не только опоздал, но и еще явился не один, а в компании двух других парней. Они быстро нашли мой столик и, заказав себе по кружке кофе, шумно расселись вокруг.

– Привет, Лори! – Аарон протянул руку – руку без перчатки! – и я уставилась на него в немом изумлении. Он что, с головой не дружит?

Руки я не дала.

– Это Зак и Дик, – представил он своих приятелей, и те по очереди кивнули.

– Привет, – пробормотала я.

– Честно говоря, я не думал, что ты придешь...

– Почему?

– Ну знаешь, люди, такие, как ты... как мы... обычно избегают общения.

Один из друзей Аарона не сдержал улыбки, но тут же ее спрятал.

– Угу, – кивнула я, глядя, как Аарон отхлебывает кофе из нестерилизованной кружки. – У тебя, наверно, более легкая форма?

– Да нет, такая же, как у тебя, – пожал плечами он. – Все симптомы те же: ожоги... И тэ дэ.

Я снова заметила улыбки, затаившиеся в уголках ртов этих мальчишек, и наконец заподозрила неладное.

– Если бы у тебя была такая же аллергия, как у меня, Аарон, то ты сейчас уже лежал бы на полу с окровавленным ртом, корчась от боли: если официантка прикасалась к кружке, то

ее след сорвал бы твой аллергический механизм, как индеец чероки срывает скальп со своей добычи.

Аарон переглянулся с приятелями, а потом неловко захихикал, совсем как девчонка:

– Ну... да, возможно, у меня чуть более легкая форма, чем у тебя. Не до такой степени...

Мне повезло, что я подхватил не очень серьезный штамм.

– Эту болезнь не *подхватывают*, – процедила сквозь зубы я. – Это аутоиммунная болезнь. Нарушение работы *твоего* иммунитета. Она обуславливается генетическими факторами: например, врожденными мутациями.

Аарон прыснул со смеху и хлопнул Зака по плечу.

– Это все розыгрыш, так? – Я наконец потеряла терпение. – Ты не болен... ничем таким.

– Как и ты, – заявил мне Аарон. – Видишь ли...

Он придвинул стул ко мне поближе:

– У нас с Заком и Диком есть свой канал на Ютьюбе – «Охотники за правдой», может, слышала? – где мы выводим на чистую воду всякий... сброд. Разыскиваем какую-нибудь крапавицу, которая заявляет, что питается энергией солнца, выжидаем подходящий момент и фоткаем, как она заталкивается гамбургерами в Макдональдсе. А фотки выкладываем у себя. Отыскиваем какого-нибудь мудилу, который собирает деньги на операцию ребенку, и... доказываем, что никакого ребенка нет.

– Мы – очень скандальный проект, – добавил Дик, тараща глаза.

– Люди должны отвечать не только за действия в оффлайне, но и за вранье в Сети, – закончил Зак.

– Я не отношусь к ним.

– Ты тоже собираешь деньги.

– Добровольные пожертвования на исследования.

– О да... Угу... Ну конечно, – заявили все трое.

И тут Зак включил камеру на телефоне и навел ее на меня, а Аарон резво придвинул свой стул ко мне, чтобы тоже попасть в кадр.

– Эта девушка заявляет, что любые прикосновения к ее коже вызывают сильнейшие ожоги. Настало время проверить, правда ли это...

Паника, истерика, мои вены сейчас лопнут от адреналина! Я вскочила со стула и отшатнулась в сторону, но Аарон оказался проворнее и схватил меня за руку. В одно мгновение он вздернул рукав моей куртки, обхватил предплечье и рванул к себе.

– Подонок! – закричала я.

– Как видите, – заговорил Аарон в видеокамеру, которая все это время снимала происходящее. – Еще одна мошенница, выдающая себя за человека с уникальной болезнью. Лишь бы вы только несли свои денежки...

– Помогите! – закричала я, выдергивая руку из его лап, но Дик тут же схватил меня за край куртки.

Мне на помощь пришел какой-то мужчина, сидевший за соседним столиком со своей спутницей.

– В чем тут дело? – Он подошел к Аарону и положил руку ему на плечо.

– Всего лишь делаем мир лучше, – ответил тот, гадко улыбаясь.

– Вызовите скорую, – пробормотала я, схватившись за руку. – И мне нужна вода...

– Эй, воды! – гаркнул мужчина кассиру за стойкой и вытащил телефон, чтобы позвонить в больницу.

– Не торопись, приятель, зря будешь машину гонять. А эта негодяйка сейчас пятками засверкает, – хмыкнул Аарон.

– Все нормально? – наклонился ко мне незнакомец: я даже лица его не запомнила, настолько была потрясена. Рядом возникло еще несколько озабоченных посетителей.

– Нет, – пробормотала я, закусывая губу.

Боль от прикосновения придет только через тринадцать минут, но душа уже болела. Охотники за правдой расселись вокруг, мерзко улыбаясь. Посетители недоумевали, почему я продолжаю сидеть на месте, если компания этих типов мне явно неприятна. А я не могла пошевелиться от отчаяния. Какой смысл бежать? Теперь нужно только ждать скорую и постараться не доставить этим выродкам удовольствия видеть мои слезы. У меня что-то спрашивали, что-то говорили, сунули в руки стакан воды. А потом время вышло...

Руку обьяло невидимое пламя. Частицы чужого пота и жира уже разбудили демонов Стигмалиона.

– Эй, что ты тут снимаешь? – накинулся на Зака один из посетителей. – Выключай телефон.

– Пусть снимает, поздно, – сказала я, аккуратно избавляясь от куртки.

Надо успеть снять ее, потому что врачи с одеждой на раненом теле не церемонятся: разрезают ее по шву и выбросят. А мне нравилась моя куртка. Ее подарил мне Сейдж. Светлоголубая, джинсовая, с нарисованными крыльями на спине. Мой талисман, который уже бессилен меня спасти...

– Смотри, что ты наделал, придурок, – сказала я, задыхаясь. – Нравится?

Аарон побелел, как полотно, глядя на мою руку, которая уже начала покрываться волдырями в местах прикосновений. Зак и Дик вскочили на ноги. Волдыри начали лопаться и кровоточить. Я зажмурилась и закричала от боли...

* * *

Хуже человека, творящего зло, только человек, который творит зло, но при этом думает, что творит добро. Парни убежали с места происшествия, но позже их все-таки нашли. Свидетелей набралось предостаточно. Также в руки полицейских попала видеозапись, на которой «охотники за правдой» не давали мне уйти и хватали за руки.

Однако всего этого оказалось недостаточно, чтобы Аарон со своей компанией понес наказание. Ибо в соответствии с законом схватить девушку за руку – недостаточный повод, чтобы сесть в тюрьму. Законы написаны для тех, чья кожа не слезает от прикосновения. Вот если бы Аарон кислотой меня облил – тогда да...

Я провела неделю в больнице на антигистаминных и противовоспалительных препаратах, потом вернулась домой, где пролежала в депрессии еще несколько недель. Через месяц после происшествия мир снаружи наконец начал меня немного интересовать: я проверила почту и зашла в свой Инстаграм.

А там творилось что-то невообразимое.

Аарон выложил видео на Ютьюб вместе с извинениями в мой адрес и пожеланиями скорейшего выздоровления, и это видео просмотрело несколько сотен тысяч человек. В комментариях кто-то бросил ссылку на мой Инстаграм, и многие зашли, чтобы написать несколько слов поддержки.

Слезы текли по щекам, когда я читала добрые сообщения от незнакомых людей. Несколько статей появилось в газетах и новостных порталах. В Инстаграме на меня подписалось почти пятьдесят тысяч человек.

Мне был дан шанс быть наконец услышанной.

Вернее, куплен мною ценой еще одного ожога.

Случилось то, о чем я грезила: внимание общества, его интерес к моей жизни и даже кое-какие пожертвования на исследование моей болезни.

Но после покушения Аарона – иначе, чем покушением, я его действия назвать не могла – во мне что-то сломалось. Я – та, что всегда была бунтаркой и сорвиголовой, – впервые осознала,

насколько хрупко мое тело. Как легко меня поймать, сжать в руках и уничтожить. И что сделать это сможет любой дурак. Даже не обязательно вонзать нож или набрасывать веревку на шею – достаточно простых прикосновений: я истеку кровью, и моя жизнь закончится.

8

Мне больше не страшно

2015 год, мне семнадцать лет

Год прошел в затворничестве. Я продолжала выкладывать фотки с длинными подписями в Инстаграм, общалась с читателями и даже ответила на вопросы интервью, которые журналист местной газеты прислал мне в почту. Он хотел встретиться, но я так и не смогла побороть страх. После встречи с «охотниками» я старалась избегать незнакомцев.

Большую часть дня я проводила дома. Занималась с учителями, чтобы получить выпускной сертификат. Ездила к бабушке в Донегал, где часами гуляла по берегу моря в полном одиночестве или гоняла по дорогам на своей машине. Или помогала Сейджу с переездом.

Он перешел на последний курс универа, выписался из общаги и тут же решил съехаться с какой-то девицей, которую ни разу нам не показывал. Кажется, на этот раз у него назревало что-то серьезное: Сейдж светился, сверкал и словно порхал по воздуху. Разве что радугой не блевал. Никогда его таким не видела.

– Как ее хоть зовут? – однажды не вытерпела я. – Когда приведешь ее на ужин? Я скоро стану тетушкой? Она такая же старая, как ты, или помоложе?

– Але, мне двадцать два, а не девяносто два, – фыркнул Сейдж. – На ужин пока не приведу. Тетушкой пока не станешь. Как зовут ее, не скажу.

– Блондинка, брюнетка?

– Меняет цвет под настроение.

– Как хамелеон?

– Лучше расскажи, что будешь делать, когда придет время поступить в универ? – резко поменял тему Сейдж.

– Буду получать образование дома заочно. А что?

– Не глупи, университет – это лучшее время в жизни.

– Если кожа не облезает от дуновения ветра...

– Мы что-нибудь придумаем, – заверил меня Сейдж, укладывая мне на плечо руку. – Будешь носить перчатки – такие тонкие, что никто даже не заметит. Будешь жить не в общежитии, а на съемной квартире, где никто не будет прикасаться к твоим вещам. Я буду неподалеку, всегда смогу приехать. Твоя болезнь не должна становиться помехой. Университет – это и правда здорово.

– Сейдж, я очень хочу получить высшее образование, но не очно. Я боюсь людей. Не понимаю их и не чувствую потребности общаться...

– Аппетит приходит во время еды, – возразил он.

Тогда я задрала рукав и ткнула ему в лицо предплечье со шрамами, которые оставила рука Аарона. И отказалась впредь говорить на эту тему.

Однако брат решил не сдаваться и уламывал меня целый год. Именно *уламывал* — упрямо и настойчиво. Пока я однажды не выдержала и не пожаловалась родителям. А те, к моему изумлению, приняли его сторону! «Лори, а ведь неплохая идея! Лори, а почему бы и нет? Лори, если принять все меры предосторожности, то все получится!»

Я чуть на задницу не села. Ничего себе. То шагу сделать не давали, ограждали от любого чужого чиха, а теперь вдруг из дома родного выпихивают.

Но я приняла твердое решение не влезать в этот щиток с высоким напряжением.

– Не будет никакого универа, успокойтесь, – объявила я и поставила на обсуждении жирный крест. – Вы смерти моей хотите, что ли? Я буду учиться дома заочно.

А потом я встретила Мишель.

* * *

Как-то мне написала незнакомая девушка, рассказала, что следит за моим Инстаграмом и предложила встретиться: «У меня другой недуг, Лори, но я все равно очень хочу познакомиться с тобой. И, может быть, кое-что рассказать, если ты не против. Напиши, возможно ли это. Я вообще живу в Америке, но буду в Ирландии через месяц с родителями. Я знаю об истории, когда тебя схватили за руку и снимали все на камеру. Поэтому не возражаю, если ты возьмешь с собой кого-то из близких. Например, брата – он такой милашка:) Мишель».

«Милашка? Видела бы она, как этот милашка поет песни Ники Минаж в туалете, держа в руках освежитель воздуха, как микрофон, – зрелище не для слабонервных».

Я рассмеялась собственным мыслям. В сообщении этой Мишель было что-то очень подкупающее и искреннее. «Давай встретимся, я не против», – наконец ответила я, печатая вспопевшими пальцами.

Через месяц мы встретились в Дублине, куда Сейдж подкинул меня на машине, предварительно набив багажник личным хламом для перевозки в новое жилье.

Мишель оказалась симпатичной белой американкой с каштановыми волосами и робкой улыбкой. Лет двадцати на вид. Она заказала себе латте, я открыла бутылку минералки, которую принесла с собой, и мы минут десять болтали обо всякой ерунде вроде погоды и цен на проезд, словно приглядываясь друг к другу.

А потом Мишель вдруг смахнула слезу и сказала, что ужасно рада видеть меня.

– Я читаю тебя уже где-то полгода и просто боготворю. Ты такая смелая! Болезнь не сломала тебя, не вогнала в депрессию, ты относишься к ней с насмешкой и подшучиваешь над собой. Помнишь пост, где ты написала, что почти смирилась с тем, что парней тебе не видать, и поэтому вот-вот начнешь собирать коллекцию фаллоимитаторов, но у тебя одна проблема: как лишиться девственности самостоятельно? Я хохотала, как ненормальная. Или пост, где ты решила-таки сходить в кафе и выпить там кофе, взяв с собой переносной стерилизатор. Ты еще спрашивала, насколько дико будет смотреться со стороны, если ты вдруг поставишь эту штуковину на столик и станешь стерилизовать кофейную чашку! Ох, Долорес! Глядя на тебя, мне впервые захотелось расслабиться, принять себя и прожить с радостью то, что отмерено... Моя болезнь пока не дала о себе знать, но терпеливо ждет своего часа...

Мишель сжала в руке салфетку и выпалила следующее (словно боялась, что смелость вдруг оставит ее, и она больше никогда об этом не заговорит):

– У меня фатальная семейная бессонница. Наверно, ты о таком даже не слышала. Наша семья узнала относительно недавно – врачи диагностировали все это уже после смерти отца, он был носителем... Меня уже проверили – у меня, как и у него, мутации в двадцатой хромосоме, из-за чего в мозге накапливаются вредные белки, которые уничтожают отдел, отвечающий за сон...

– Продолжай, – подбодрила я, видя, что чем дальше, тем тяжелее ей говорить.

– В общем, сначала у меня будет просто сильная бессонница, сопровождающаяся паническими атаками. Потом к паническим атакам присоединятся галлюцинации. Затем возникнет полная неспособность спать, сопровождаемая быстрой потерей веса. А дальше я перестану говорить и не буду реагировать на окружающее. Это последняя стадия болезни, после которой я умру. Все займет примерно полгода-год. Лечения нет. Снотворные не помогут...

Окружающий мир исчез. Исчезли стены кафе, столики и посетители, стучащие вилками по своим тарелкам. Осталась только я, сидящая напротив девушка и история, от которой у меня зашевелились волосы на голове. Мишель отхлебнула кофе и подняла на меня влажные глаза, пока я собирала воедино осколки своего прежнего «я».

– Но мне больше не страшно. Я устала бояться. У меня еще лет десять в запасе, а то и больше, когда я могу крепко спать и видеть чудесные сны. Тискать храпящего рядом парня. Выбирать постельное белье в магазине и шелковые пижамы. И наслаждаться всем этим. Сложнее всего с мамой. Я уговариваю ее родить второго ребенка. Если у нее появится еще один, то с ней все будет в порядке... И еще с парнями сложно...

Мишель сдула челку с носа и, робко улыбнувшись, продолжила:

– Знаешь, у тебя бывало так, что ты встречаешь человека один раз, второй, а потом понимаешь: если встретишь его в третий раз, то втрескаешься по уши? Вот и у меня такое было совсем недавно. Ах, что это был за парень – мечта! Я чуть глазами его не съела на первом свидании, отдалась на втором, а встречаться в третий раз не стала. Написала ему, что все, адьос-досвидос. Он не понял, что произошло. Носился за мной пару месяцев, а я отшивала его. Ходила с задраным носом, а сама прихожу домой из универа и рыдаю в подушку остаток дня. Как ему объяснишь, что я умру в муках через десять лет? Я не настолько эгоистична...

«Господи, да как я смею вообще жаловаться на свою жизнь?» – внезапно подумала я.

– Долорес, это такое облегчение – рассказать обо всем кому-то. Никто не знает, кроме мамы. Все друзья думают, что я переборчивая дура, ха-ха. Иногда все так и просится наружу, но я не хочу сочувствия или чтобы они потакали мне во всем. У меня и так характер дерьмовый, а если меня жалеть начнут – это будет катастрофа... Послушай, ты писала в Инстаграме, что семья уговаривает тебя пойти в университет. Иди! Если есть хоть малейший интерес в душе – следуй ему. Бери все, что на блюдечке протягивают. И на то, что не протягивают, позарься тоже! – хохотала Мишель. – Я учусь в колледже, это кайф. Только там и забываешь об этом дерьмишке вроде смерти в муках. Там словно параллельная реальность, в которой не существует боли и болезни. Там жизнь, драйв, каждый день что-то новое. Горячие парни на спортивных машинах, милые ботаники со сладкими улыбками, бунтари на мотоциклах... Прости, я увлеклась, знаю, что для тебя это большая тема...

– Все нормально, продолжай, кто мне еще об этом расскажет? – улыбнулась я, приходя в полный восторг от того, как круто она справляется со своими эмоциями и переключается на позитив.

– Богатенькие стервы с фигурами Джиджи Хадид: красивые, но пустые, как церкви в пятницу вечером. Серые мышки, о которых все вспоминают только через десять лет после окончания универа, когда мышка внезапно становится женой мэра, – хихикает Мишель. – Прекрасные неформалки с болтиками в языках и проколотыми сосками.

Она высовывает язык, и я вижу серебристый шарик, лежащий в розовой ложбинке. Мы хохочем, как двинутые.

– Ты должна увидеть все это. И многое другое. И попробовать все, что можешь попробовать. Ну, кроме секса втроем и наркотиков – я считаю, оно того не стоит, – краснеет Мишель и вешает на лицо выражение «опаньки». – И чтобы Господь Бог на том свете воскликнул: «Долорес Макбрайд! Ну ты отожгла!» Да-да, я читала и этот пост тоже, про Бога и твои с ним разговоры... я после тебя тоже с Богом разговаривать начала. И представлять его по-своему. Теперь это не нудный старик, загибающий пальцы на каждой моей ошибке, а любимый папаша с бородой, как у Чарли Ханнэма и татуировкой «Всех люблю» на мускулистом плече.

Мишель отсалютовала чашкой. Я подняла минералку в ответ.

– Выпьем за нас, молодых и бесстрашных, – сказала она, и мы выпили, глядя друг другу в глаза. – И пусть твой Стигмалион однажды перестанет быть тюрьмой. Жаль, что я не могу тебя обнять, Долорес Макбрайд... Наверно, ты такая же теплая, как твой Инстаграм.

* * *

Я молчала всю дорогу от Дублина до Атлона. Пару раз горько всплакнула.

– Все прошло нормально? – нахмурился Сейдж.

– Все было прекрасно, – кивнула я.

Он не стал больше пытаться, просто положил руку на мое плечо. Правой придерживал руль, а левой обнимал.

– Я хочу в университет, – тихо сказала я.

– Боже правый, у меня слуховые галлюцинации!

– Нет, я действительно сказала это.

– Опять они! Господи, я, наверно, переутомился...

– Сейдж, ну прекрати, – шлепнула я его. – Кое-что изменилось, и теперь я считаю, что мне стоит... открыть этот щиток с высоковольтным напряжением.

– Где этот волшебник? Я хочу его расцеловать!

– Целуй своего хамелеона. Этот волшебник слишком волшебен для тебя.

Я показала средний палец, Сейдж дал мне щелчок по носу.

– Если серьезно, то я очень рад, что ты решилась на это, Лори. Очень-очень рад! И какие доводы, позволь узнать, изменили твое мнение?

– Сегодня мне показалось, что новые люди и новые знакомства, – это... может быть интересно.

– А я тебе что все это время талдычил?!

– И еще я поняла, что только среди чужих людей смогу преодолеть свой страх и наконец начать... жить.

– Да, детка! – заорал Сейдж, как будто мы с ним только что выиграли финальный бой в компьютерной игре.

– И еще университет поможет мне стать кое-кем. Я все думаю об этом, и с каждым днем идея влечет меня все больше...

– И кем же?

– Мне интересно лечить и заботиться о ком-то. Наверное, я бы могла быть врачом, если бы не моя боязнь людей и если бы мне не грозила смерть от чужой крови... Или слюны... Или мочи, или желудочного сока, или околоплодных вод, или рвоты...

– Все-все! Я понял! Профессия врача тебе не подходит.

– И я подумала, что могла бы лечить того, на кого у меня нет аллергии.

– Меня?

– Сейдж, ты невыносим! Животных! Собак и кошек, лошадей и голубей, хомячков и зайчиков! Мне можно к ним прикасаться! И мне нравится к ним прикасаться. Я хочу быть ветеринаром. Что думаешь?

– Я думаю, что мне ужасно повезло с сестрой, – приобнял меня Сейдж. – Она такая добрая, умная и красивая. И любит зайчиков! Мой детектор милоты сейчас сломается к чертовой матери...

Я рассмеялась, а Сейдж продолжил:

– На самом деле я всегда знал, что ты захочешь быть ветеринаром.

– Да ладно...

– Да! Помнишь, мне было десять, а тебе пять, и ты увидела, как я с друзьями нашел в саду ежика и...

– Помню ли я, как ты помочился на бедного ежа? Да у меня до сих пор психическая травма, болван, – буркнула я.

– А потом ты зарядила мне кулаком в живот, схватила ежа голыми руками и побежала на кухню, чтобы помыть его в раковине.

– И, между прочим, исколола руки до крови...

– Но все-таки отмыла его! И потом неделю со мной не разговаривала. Я уже тогда подумал, что из тебя вышел бы отличный звериный доктор. Ну или полицейский.

– А я вот осознала это только сейчас. Удивительно, да? Родные часто знают нас лучше, чем мы сами... Что ты еще знаешь обо мне, чего не знаю я? – спросила я, толкая Сейджа в бок.

Но Сейдж ничего не ответил. Он смотрел на дорогу и улыбался ну очень странной улыбкой. Как будто действительно знал *что-то еще*. Но сколько я ни упорствовала, ни упрашивала его и ни дулась, он так и не признался в том, что было у него на уме.

9 Отъезд

2016 год, мне восемнадцать лет

Мне снились объятия. Чьи-то руки обнимали меня, гуляли по спине, опускались ниже, сжимали ягодицы... Я целовала чей-то подбородок. Он был и твердый, и мягкий одновременно, и был покрыт короткими колючими волосками. Мои губы двинулись выше и нашли другие губы. И они пахли леденцами. И морем. И свободой. И чем-то недозволенным...

– Ты опоздаешь, – прошептал он. Я подняла глаза, но не увидела обращенного ко мне лица. То ли глаза заволокло слезами, то ли между мной и целующим повисла завеса густого тумана.

– Ты опоздаешь...

– Еще один поцелуй, – начала выпрашивать я.

– Что-что-что? – расхохотался кто-то третий. – Поцелуй? Долорес Макбрайд, что тебе там снится?

Я приоткрыла один глаз и увидела перед собой умиленную физиономию Сейджа.

– О боже, тебе снился эротический сон. Тысяча извинений!

Я молча вытащила из-под себя подушку и запустила в брата. Он увернулся и заржал, как бешеный конь. Двадцать три года мальчику, а все никак не повзрослеет.

– Одевайся, опоздаешь. Завтрак уже на столе.

Я выползла из кровати, приспустила ниже пижамные штаны – пока я спала, они подскочили на мне чуть ли не до подмышек, и шов врезался в мое самое мягкое место. Неудивительно, что мозг отреагировал на это такими непристойными снами. Ох, лучше бы я не просыпалась...

– Тебе что сделать, чай или кофе? – снова сунулся ко мне Сейдж.

– Кофе, – скомандовала я и еще раз запустила в него подушкой. И на этот раз попала. – Свежемолотый, со сливками, сахаром и щепоткой корицы на пенке.

– А задница не слипнется? – проворчал Сейдж, потирая физиономию.

– Сказал мальчик, каждое утро уминающий овсяночку со сливками, сахаром, бананами, клубничкой и изюмом.

– Ладно, ладно, уделала.

Мы спустились вниз, все уже встали. Через занавески в гостиную лился радостный солнечный свет. Мама порхала на кухне, ей помогала Мелисса. Жужжала кофеварка, и гудела конвекционная плита. Сейдж был уже одет, умыт, побрит и готов отнести в машину мои чемоданы. Папа сидел в кресле с журналом и чашкой...

Мой последний завтрак дома. Сегодня я уезжаю в Дублин учиться. Родители уже подыскали там жилье. Десять минут до университета, если идти пешком. Или пятнадцать, если ехать в объезд по дороге. По-моему, идеально: в хорошую погоду можно прогуляться, а в плохую – ехать на машине, в тепле и уюте...

– Долорес, – окликнул папа, когда я уселась за стол. – У нас для тебя есть небольшой подарок и... мы понятия не имеем, понравится он тебе или нет.

Папа вручил мне картонную коробку, перевязанную бантиком. Я вытерла о полотенце руку, которой уже успела ухватить блинчик, развязала бантик и сняла крышку. Внутри на бархатной подушке лежали электронные часики. Папа и мама – любители «механики» из драгоценных металлов, поэтому электронные часы с пластиковым ремешком – это было, признаюсь, необычно.

– Вау! Часы! Я поняла, что это подарок со смыслом! Типа... не прожигай время понапрасну. Или... всегда возвращайся с вечеринок вовремя! Или...

– Это не часы, – сказал папа. – Это *болеметр*.

И пока я смотрела на эти «часики», выкатив глаза, папа начал объяснять:

– Они будут фиксировать твое состояние и передавать сигнал на микрокомпьютер. Прибор считывает показатели твоего пульса, давления, температуры кожи, ее влажности, а также фиксирует громкость окружающих звуков и движение в пространстве.

– Если прибор посчитает, что ты испытываешь сильную боль, то начнет вибрировать и пошлет нам сигнал. А мы позвоним узнать, все ли о'кей, – добавила мама.

– Что думаешь? Я нашел эту штуковину на сайте одной инновационной медицинской компании, – не без гордости сказал Сейдж.

– Я в восторге, – кивнула я. – Отличная вещь. Мне с ней будет куда спокойнее. Если я буду кричать от боли, махать руками, трястись и потеть – вы об этом узнаете?

– Да, и сможем вызвать скорую. Где бы ты ни была.

Забота моих родных меня всегда очень и очень трогала. Это то, от чего я никогда не устану. Разворачивание подарка закончилось всеобщими объятиями. Мама зашмыгала носом, папа начал смотреть в потолок – видать, чтоб слезы не пролились. Сейдж застегнул на моем запястье самое невероятное изобретение из тех, что мне доводилось носить.

После завтрака я села в свою машину, брат – в свою, и мы друг за другом отправились в неизвестность. Мама, папа и Мелисса махали вслед. Я смотрела в зеркало заднего вида и мысленно возводила над ними волшебный защитный купол.

Пока с ними все в порядке и пока мне есть куда возвращаться, я буду счастлива.

* * *

За прошлую неделю мы с Сейджем успели перевезти все мои пожитки в новую квартиру, так что сегодня приехали, можно сказать, налегке. Ну, не считая целой горы контейнеров с домашней едой, которой мне должно было хватить на неделю, – а потом мама пообещала доставить новую партию. Она была категорически против того, чтобы я питалась в столовой или кафе.

Сейдж храбро взвалил на себя большую часть упаковок, положив их одну на другую башенкой. Я подхватила оставшиеся, и мы пошли к входу в здание, на четвертом этаже которого находилась моя съемная квартира.

– Только не надорвись, Сейдж. Будет стыдно получить травму от вареной рыбы.

– Еще позорней будет получить травму от тушеной моркови!

Я достала магнитный ключ от кодового замка подъезда, но дверь внезапно раскрылась сама, и наружу шагнула какая-то девушка, а за ней еще одна.

Сейдж отпрянул в сторону, но вареная рыба и тушеная морковь были не столь проворны – «башенка» сильно накренилась, и контейнеры рухнули на одну из девочек.

А верхний контейнер оказался недостаточно плотно закрыт! Мгновение – и моя тушеная рыба с имбирно-чесночной подливкой – ярко-желтой и пахнущей так, что можно мертвого разбудить, – пролилась на девушку. И не куда-нибудь, а прямо на блестящие светлые волосы с эффектом выгоревших прядей.

Вам стоило бы увидеть ее, чтобы представить масштаб катастрофы. Она выглядела, как фотомодель: высокая, стройная и одета так, словно собралась ехать на съемки для очередного каталога. Белая майка, через которую просвечивал черный лифчик, кожаная куртка, обтягивающие леггинсы. А еще алые губы и длиннющие ресницы.

Секунду блондинка стояла молча, а потом заверещала. Мертвые, которые не проснулись от аромата подливки, теперь точно проснулись бы от ее вопля. Ее подруга – круглолицая милашка с ярко-голубыми глазами и розовыми волосами – бросилась на помощь.

– Айви, ты в порядке?!

– Ка-а-а-а-апе-е-ец!!!

Сейдж набрал в рот воздуха, аж щеки раздулись, и испуганно таращился на девчонку. Я выхватила из сумки упаковку бумажных салфеток и протянула девушке.

– Прости! – извинилась я, пока Сейдж стоял рядом и глазами хлопал.

– Прости?! Ты думаешь, мою одежду и волосы спасет твое сраное «прости»?! – накинулась она на меня, как будто это я перевернула на нее пол-литра имбирно-чесночной подливки, а не мой криворукый брат.

– Айви, она-то тут при чем? – засуетилась ее розоволосая подружка, выхватывая у меня салфетки и пытаясь вытереть желтую жижу с волос Айви.

– Ну вообще-то это моя еда, так что частично...

Сейдж наступил мне на ногу с выражением лица «ты что, самоубийца? Позволь мне взвалить всю ответственность исключительно на себя!».

– Боже, какой я растяпа! Прости! Я возьму стоимость одежды и все такое, – миролюбиво заверил Сейдж.

– Не думаю, что ты хотя бы отдаленно представляешь, сколько она стоит, идиот!

– Футболка от «Diesel», куртка от «All Saints», белье... прости, не могу рассмотреть, но, думаю, примерно полтинник за лифчик. Итого, включая химчистку куртки, будет порядка полутора сотен евро.

Девчонки уставились на Сейджа в немом изумлении. Что поделать, мальчик всегда любил производить впечатление (и в свои двадцать три неплохо разбирался во всем, что касалось женской одежды и белья). Розоволосая Милашка одарила моего брата ослепительной улыбкой, но блондинка его, похоже, с удовольствием задушила бы.

– Кстати, если хочешь спасти волосы, то эту подливку лучше смыть и побыстрее. Иначе потом уже ничто не спасет. А еще там было много перца чили. Еще не печет? – спросил Сейдж.

– По-моему, ты слишком разговорчивый. – Взбешенная блонди шагнула вперед, сжимая кулаки.

Между ней и моим братом резво влезла Милашка, а я поняла, что ситуацию пора спасать.

– Где ты живешь? Я зайду вечером, занесу деньги, – предложила я пострадавшей красотке.

– Купи на них немножко координации для своего дружка! – рявкнула блондинка, развернулась и понеслась обратно в дом.

– Простите, – повернулась к нам Милашка. – Ее можно понять... Мы собирались в гости и теперь точно опоздаем. Вы тоже здесь живете?

– Не я. Моя сестра. Я Сейдж. А это Лори, – представил нас Сейдж, оценивающе глядя на Милашку.

– Бекки, – представилась девушка. – А то была Айви... Ладно, тогда пока! Думаю, еще увидимся. Я живу на последнем, пятом этаже.

– А Лори на четвертом!

– Чудно! Кстати, у меня вечеринка сегодня вечером, заходите!

– Не думаем, что твоя подруга будет рада, – ответил Сейдж.

– Это моя вечеринка, а не ее! – подмигнула нам Бекки и убежала вслед за подругой.

Я в изумлении повернулась к Сейджу. Умение брата молниеносно заводить новые знакомства вселяло в меня священный трепет.

– Ты испортил одежду ее подруге, а она приглашает тебя в гости. Невероятно.

– Что поделать. Я чертовски обаятельный. И кстати, она пригласила нас. Надо бы захватить выпивку.

– Я не собираюсь идти.

– Не пойти на первую вечеринку, на которую тебя приглашает первый встречный в первый же день? Ну, это совсем дикость! Хуже только носовые платки вышивать...

– Только не говори, что ты собрался пойти! – воскликнула я. – Кстати. Я видела, как ты смотрел на эту Бекки, и, смею тебя уверить, имея девушку, смотреть *так* на кого-то – просто подлость.

– Да не смотрел я на нее! – воскликнул Сейдж. – А у тебя слишком много глаз. Надо бы что-то с этим сделать...

– Придурок, – улыбнулась я.

– И я тебя тоже, – хохотнул Сейдж и стал собирать рассыпавшиеся контейнеры, напевая себе под нос.

10

Правда или действие

Сейдж помог сложить всю еду в морозилку, исполнил очередной хит Ники Минаж в туалете, поворковал со своей девушкой по телефону и отчалил.

Хорошо иметь брата. Никогда не бывает скучно. Каждый день – праздник. Жаль, что мы выросли и теперь какая-то другая девушка забрала мою корону. Надеюсь, на этот раз все будет серьезно: свадьба, дом и маленький племянничек, которого я буду носить на руках, даже рискуя получить смертельные ожоги от отрыжки.

Я разобрала чемоданы и приготовилась провести вечер в компании Джона Сноу и парочки ходячих мертвецов, но не тут-то было. Около девяти вечера в дверь нетерпеливо забарабанили. Я открыла и обнаружила Бекки, раздетую в яркую блузку со стразами и отчаянно короткую юбку.

– Лори! Только тебя не хватает!

Я прислушалась к звукам мелодичного рока, доносящимся с верхнего лестничного проема, и поежилась.

– Ты знаешь, где я живу?

– Встретила твоего брата на лестнице, когда он уходил, и выпытала номер квартиры. Ты не злишься?

Я не злюсь. У меня всего лишь паническая атака...

– Идем! У меня весело! Виски рекой! Парни гурьбой!

– Я не пью. Вернее, пью, но только то, что приношу с собой.

– Без проблем! Приноси! И приходи! И переоденься во что-то более... Ну ты поняла. Квартира пятьдесят один. Заходи без стука! Если не придешь, обижусь!

Я прикрыла дверь и испуганно уставилась прямо перед собой. Цепи Стигмалиона едва слышно зазвенели. Стоило только подумать о том, чтобы войти в гущу чужих тел – и кожа тут же покрылась мурашками. Я вынула телефон и позвонила Сейджу. Тот ответил только после шестого гудка:

– Але?

– Ты придешь на вечеринку? – тут же спросила без всяких «здрасьте».

– Какую еще вечеринку? – зевнул Сейдж.

– На которую нас сегодня пригласила та девчонка с розовыми волосами... Бекки.

– Ой, нет, прости, мы с моей девушкой решили... лечь пораньше. Но ты обязательно сходи.

– Не думаю, что у меня хватит смелости... У меня паническая атака... Руки трясутся... Я не готова.

– Долорес, ты готова. Просто надень закрытую одежду, перчатки и не засовывай свой язык парням в рот, – заявил Сейдж. – Все просто.

– Спасибо за бесценные советы. Не засовывать язык парням в рот – ни за что бы не догадалась!

Сейдж громко расхохотался мне в ухо и продолжил:

– Если серьезно – все будет хорошо. Эта Бекки присмотрит за тобой. Я сегодня встретил ее на лестничной площадке, когда уходил, и она показалась мне... довольно серьезной девушкой. Ну, насколько серьезным может быть человек с розовыми волосами.

Теперь засмеялась я.

– Иди и хорошо проведи время, – благодушно сказал Сейдж. – Я уверен, ты не пожалеешь.

Брату удалось вселить в меня уверенность в том, что все будет хорошо. Просто нужно соблюсти предосторожности. Я распрощалась с ним, потрогала болеметр на руке, убедилась, что он работает.

Итак, теперь нужно надеть что-нибудь... А что подразумевала Бекки под словом «более»? Более открытое? Нарядное? Яркое? Смелое? Я нырнула в шкаф, придирчиво оглядывая скромный ряд вешалок. Блузка для универа, блузка для универа, рубашка для универа, рубашка для универа, водолазка с закрытым горлом... Катастрофа.

У меня было несколько открытых платьев, которые я надевала на праздники дома, но ведь на семейном празднике на меня не могло свалиться пьяное тело.

В подтверждение моих слов на верхнем этаже что-то загрохотало. Надеюсь, не чья-то голова встретилась с паркетом.

В конце концов, я выбрала обтягивающую белую кофточку с длинными рукавами, натянула любимые джинсы с прорезями на коленях и решила, что выгляжу очень даже «более».

Потом достала из холодильника бутылку охлажденного безалкогольного сидра, надела перчатки и на всякий случай намазала лицо толстым слоем защитного крема.

У дверей Бекки я оказалась не такой смелой, как в своей квартире. Сказать по правде, просто колени затряслись от страха. Люди не казались такими... потенциально опасными, когда рядом был Сейдж. Или когда я находилась на своей территории. Но что ждет меня за дверью? Готова ли я гипотетически проснуться завтра не в своей постели, а в реанимации? Грохот цепей Стигмалиона стал еще громче...

Я набрала в легкие воздуха и нажала на дверную ручку.

* * *

За дверью ожидало совсем не то, что я приготовилась увидеть. Никаких пьяных тел, луж алкоголя на полу – ничего такого, что показывают в молодежном кино. Обстановка была довольно располагающей. Незнакомые парни и девчонки расселись тут и там, болтая и чокаясь стаканами. В углу брэнчал на гитаре парень в надвинутой на глаза шапке, хотя его игру слышал только он, – слишком уж громко грохотали басы из динамиков. На пороге кухни возникла Бекки с подносом в руках и завопила, перекрикивая музыку: «Кому спринг-роллы?!» Поднос быстро опустел...

Я пристроилась в кресле, поджала ноги и стала разглядывать людей. По-видимому, старшекурсники. Выглядят совсем взросло. Парни – крупные, высокие, многие с густой щетиной. Девушки – ярко накрашенные, шумные, в откровенных одежках, со стаканами крепкого алкоголя...

Днем Бекки показалась мне одногодкой, но здесь, среди друзей, выглядела иначе. Я наблюдала за ней, пока она раздавала спринг-роллы направо и налево, разливала напитки и ухитрялась быть везде и всюду одновременно.

– Лори! Привет! – Она махнула мне, проворно налила в бокал мартини и побежала ко мне со всех ног. Но, не дойдя ровно два шага, споткнулась – и все содержимое бокала выплеснулось мне прямо на грудь!

На обтягивающую белую кофточку, которая в одно мгновение стала почти прозрачной.

Мне вдруг пришло в голову, что это расплата за то, что мы облили чесночной подливкой ее подругу. Но Бекки так страшно смутилась и так быстро увела меня из гостиной в спальню (никто даже заметить не успел!), что мои мысли о расплате тут же улетучились.

– Кажется, я уже опьянела, – пробормотала она, закрывая лицо ладонью и глядя на меня сквозь растопыренные пальцы. – Серьезно. Я же никогда ничего не опрокидываю, не роняю и не разбиваю. Честное слово... Так, что у нас тут?..

Бекки подошла к шкафу и достала черную футболку с большим красным логотипом «Under Armour» на груди.

– Держи. Она чистая. Аж хрустит... Оставь кофточку, я отстираю, клянусь. Хорошо, что это было не красное вино! Красное вино выведет только магия, – говорила Бекки, пока я разглядывала комнату.

Комната была большая, и все в ней тоже было большое: большое окно, большая кровать, большой мягкий ковер на полу. Оформлена была мрачновато: серый, черный, темно-синий. Только постельное белье сверкало слепяще-яркой белизной.

– Переодевайся и выходи к нам, – велела Бекки. – И тысяча извинений за то, что испортила твой наряд...

– Прекрати, все нормально, – сказала я и взяла футболку.

Бекки вышла и оставила меня в комнате одну. Звуки из шумной гостиной хлынули в комнату, когда она открыла дверь, и тут же стихли, стоило ее закрыть. Я еще раз осмотрелась, разглядывая интерьер. Пожалуй, мне нравилось здесь больше, чем там, среди людей. Тишина, уют и потрясный вид из окна – весь город как на ладони.

Я заметила на стене фотографию и подошла ближе, чтобы разглядеть ее: на фото была сама Бекки, только с волосами фиолетового цвета – смеющаяся, яркая, счастливая. А рядом с ней стоял какой-то парень, приобняв ее за плечи.

Очень привлекательный парень.

У Сейджа, если ему взбрет в голову приударить за Бекки, нет никаких шансов. Да, мой брат ужасно симпатичный, но этот, на фото, – просто...

Завораживающий?

В точку. Совсем не похож на гламурных сахарных мальчиков из модных журналов, рекламирующих гель для волос и трусы «Кэлвин Кляйн»... Совсем другой. Таких можно увидеть в фильмах про спасателей: они вытаскивают из волн утопленников, делают искусственное дыхание, потом подключают к их груди электроды и кричат всем вокруг: «Всем отойти от тела! Убрать руки! Сейчас будет разряд!» А потом, когда утопленник оживает, хрипя и кашляя, они бьют его по щекам и спрашивают, помнит ли бедняга свое имя.

А еще у таких парней непроницаемые лица, пристальные глаза, и, когда они говорят, все замирает и готовятся ловить каждое слово...

А еще они умеют утешать. И выходить живыми из бушующего океана. И наверняка целуются так, что все мозги растерять можно.

Интересно было бы увидеть его своими глазами. А вдруг это фотограф умудрился сделать его таким впечатляющим, а на самом деле...

И тут дверь в комнату распахнулась, и я автоматически прижала руки к груди, только сейчас осознав, что все еще не надела футболку Бекки и стояла посреди ее спальни в одном лифчике.

– Как насчет того, чтобы научиться стучать?! – рявкнула я тому, кто так бесцеремонно вломился в комнату, и запнулась...

Скажите, что мне это снится. Что я не стою полуголая перед парнем Бекки, фотку которого так пристально разглядывала еще три секунды назад. И не прокручиваю в голове мысль, что в реальности он выглядит еще круче, чем на фото. И я сейчас не покраснею до корней волос от его пристального взгляда...

Несколько секунд мы таращились друг на друга. Наши взгляды, как два лазерных луча, столкнулись в одной точке и теперь выжигали друг друга: кто кого. Потом он перевел взгляд на футболку, которой я прикрывалась, и, словно очнувшись, переспросил:

– Стучать? В дверь своей комнаты? – И он резко развернулся и вышел, оставив меня наедине с разбегающимися в разные стороны мыслями.

«Дверь его комнаты?!»

«Они с Бекки живут вместе!»

«Одевайся быстрее, мисс Розовый Лифчик, и выметайся отсюда!»

«Ну и угораздило меня!»

Я нырнула в футболку, в спешке чуть не надев ее шиворот-навыворот, приладила торчащие в разные стороны волосы и бросилась вон, надеясь, что бойфренд Бекки не бродит где-то рядом...

Не тут-то было. Он стоял в коридоре прямо напротив двери, прислонившись спиной к стене, и вертел телефон. Его массивная фигура отбрасывала на пол длинную тень, и вообще он словно занял собой весь коридор – плечистый, высокий, выше Сейджа, а Сейдж всегда казался мне просто великаном...

– Прости, – поспешила я объясниться. – Не знала, что это твоя комната, мне просто нужно было переодеться, и Бекки предложила...

– Одну из моих футболок, – закончил он, скользя глазами по логотипу «Under Armour» на моей груди.

– В смысле, одну из твоих? Я думала, что она дала свою...

Если бы люди умирали от смущения, то я бы уже стояла одной ногой в могиле.

– Черт. Тогда я схожу домой, надену что-то свое и принесу ее обратно...

Мне даже в голову не пришло, что Бекки может дать мне чужую одежду!

Я заметила, что футболка висит мешком, но мало ли! Носить вещи на пару размеров больше – разве это сейчас не писк моды?

– Оставь себе, – бросил он и, взглядываясь в мое лицо, добавил: – Мы нигде раньше не встречались?

– Не думаю, – ответила я. – Я редко бывала в Дублине...

– Ты не отдыхала на Филиппинах в прошлом году?

– Нет...

– В Исландии прошлой весной?

– Нет. Всю весну готовилась к поступлению...

– Первокурсница? – выгнул бровь он.

– Да.

Теперь я знаю, как мозг превращается в тающий воск и стекает куда-то в низ живота. Как от напряжения начинает покалывать ладони, и что-то очень странное творится с голосом: он становится ниже, как будто ты всю ночь горланила песни и охрипла. Вот еще бы мысли перестали кружиться в голове вихрем, и неплохо бы сейчас сказать что-то умное, интересное, веселое... Чтобы не ударить лицом в грязь...

– Ясно, – кивнул парень. – Веселись.

– Нет, я все-таки схожу переоденусь...

– Да никто даже не обратит внимания, во что ты одета, – пожал он плечами, а затем прошел мимо меня в комнату и громко хлопнул дверью.

«В смысле – не обратит внимания?» – поперхнулась я, замерев посреди коридора. Я не считала себя непривлекательной, но что, если рядом со старшекурсницами выгляжу и правда никчемно? Так никчемно, что на меня никто даже не обратит внимания? Ведь я не пользуюсь яркой косметикой и не прокалываю себе лицо в разных местах, и не наряжаюсь так, что родители упали бы в обморок...

Удивительно, как всего пара слов может пробить дыру в самооценке, которая годами стояла, как неприступная стена.

Дверь снова распахнулась, и бойфренд Бекки вышел из комнаты, чуть не врезавшись в меня. Он переоделся, и теперь на нем была белая стрейчевая футболка, обтягивающая торс.

– Ты еще здесь?

– В смысле – никто не обратит внимания? – переспросила я, не в силах поверить, что незнакомого человека можно вот так просто взять и унижить на ровном месте.

Парень Бекки секунду пытался сообразить, что я имею в виду, а потом... улыбнулся. Улыбнулся так, что в животе потеплело.

– Я имел в виду, что там все пьяные в дрова. Вот и все. Поэтому наряд – это последнее, о чем стоит беспокоиться.

– А-а, – протянула я, чувствуя себя полной идиоткой.

– С кем ты пришла сюда? – внезапно спросил он.

– Бекки пригласила меня...

– Ты одна, без друзей?

– Да, а что?

– Тогда держись поближе к Бекки.

– Зачем? – непонимающе хлопнула ресницами я.

– Затем, что там, – он кивнул в сторону гостиной, – не встреча любителей аудиокниг.

– В смысле? – снова моргнула я.

Не знаю, что думал он, глядя на меня в упор, но я чувствовала себя полнейшей дурой, которая только вчера начала изучать английский и сейчас не понимала ни слова.

– В том смысле, что куча пьяных парней – не лучшая компания. Так что не пей много и найди Бекки, – посоветовал он и зашагал в гостиную, откуда доносился рев музыки и громкий смех.

А я смотрела ему вслед, красная от стыда и смущения, и впервые в жизни жалела о том, что так мало общалась с лицами противоположного пола. Ведь тогда бы я не выставила себя заикающейся, перепуганной, дрожащей идиоткой перед самым впечатляющим парнем из всех, кого до сих пор встречала.

– Ну наконец-то! – воскликнула Бекки, как только я вернулась в гостиную. – я уж было подумала, что ты тайно сбежала через окно, чтобы никогда не возвращаться.

– Я была близка к этому, – призналась я.

– Но потом что-то заставило тебя остаться, да? – рассмеялась Бекки. – Дай угадаю. Ты не захотела ломать ноги, прыгая из окна?

– И руки, – буркнула я, внезапно заметив, что дверь, ведущая из гостиной на балкон, широко распахнута, и за ней виднеется спина парня Бекки, обтянутая белой футболкой, его опущенная рука с дымящейся сигаретой и...

– Хорошо, что ты поборолла свои страхи и не сбежала, я хочу, чтобы ты осталась. Надеюсь, тебе здесь нравится, – продолжала говорить Бекки, пока я проклинала свое слишком острое зрение.

Парень Бекки был на балконе вовсе не один. Рядом с ним, чуть ли не прижимаясь к нему, стояла какая-то блондинка, и... водила рукой по его спине.

Боже, кто-то клеит парня Бекки – и это совсем не то, что мне нужно видеть!

– Конечно, мне нравится здесь. Спасибо за футболку. Правда, она мне велика... – заговорила я, уже обрисовав в голове план: сначала я переведу тему на ее парня, потом невзначай брошу, что вижу его на балконе, потом Бекки обернется и увидит все своими глазами.

– Ты выглядишь великолепно. Тебе идет черный, – сказала она.

– Хм, а мне больше нравится белый, – ответила я, испытывая прилив находчивости и вдохновения. – Вон как у того парня на балконе. Кстати, кто он? Еще какая-то блондинка лапает его за... сзади.

Бессовестная девица и правда начала делать это, запустив руку в задний карман джинсов парня.

Бекки резко обернулась. Я набрала воздуха в легкие, готовясь к скандалу, но ничего не случилось. Бекки снова повернулась ко мне и ответила:

– Я тоже люблю белые обтягивающие футболки на парнях. Их плечи тогда выглядят такими широкими, правда? А особенно если они так широки, как у моего брата...

– То есть он...

– Мой брат. Хочешь познакомлю? Правда, не уверена, что Айви это понравится. Да, та, что рядом с ним, – его девушка. Это на нее вы сегодня уронили еду, – с улыбкой закончила Бекки.

Я замолчала, не в силах выдать ни слова и в который раз за вечер чувствуя себя полной дурой.

– Мы с ним уже познакомились, – зачем-то сказала я.

– Когда успели? – удивилась Бекки.

– Он вошел в ту комнату, в которой ты меня оставила...

– О-о-о, прости, что не сказала, что это его комната... В моем шкафу не осталось ни одной чистой вещи, я вчера отнесла все в чистку, а у него всегда полно чистой одежды... Надеюсь, футболка не слишком велика, – смущенно закончила Бекки.

В этот момент девушка на балконе что-то зашептала на ухо брату Бекки, и тот улыбнулся в ответ. Потом она забрала сигарету из его пальцев, сделала пару затяжек и бросила окурочек вниз.

Одна сигарета на двоих – почему-то это показалось мне ужасно романтичным, хотя я всегда была против курения. И даже заставила папу бросить курить. И почти смогла заставить бабушку...

– Значит, у твоего брата всегда полно чистой одежды, – вслух подумала я. – Удивительно. Обычно у парней не складывается со стиркой. Сужу по своему брату.

– Дело не в стирке, – возразила Бекки. – Просто ему новые бесплатно пачками присылают. Он с прошлого октября лицо бренда «Андер Армор» и по контракту должен только их одежду носить...

Я перестала тарашиться на сладкую парочку на балконе и перевела взгляд на Бекки.

– А можно с этого места поподробней? – моргнула я. Внезапно мне захотелось узнать все. От и до. Ведь «Under Armour» – довольно-таки известный бренд спортивной одежды. Недостаточно быть моделью, чтобы стать его лицом. Нужно быть спортсменом и, скорее всего, известным.

– Бро занимается экстремальным дайвингом, – пояснила Бекки, словно читая мои мысли. – Несколько лет назад он с друзьями снял серию фильмов о затонувшем лайнере и умудрился сделать неплохие деньги. Может, ты даже видела их: «Объятия стихии», «Глаза бездны» и «Поцелуй тишины». Посмотри, очень классные фильмы. Потом его заметило одно модельное агентство и затащило на съемки. Там он познакомился с Айви...

– Она – тоже модель? – предположила я. Это было очевидно.

– О нет, – покачала головой Бекки. – Айви – фотограф. Двадцать три года девчонке, но за ее фото уже дерутся глянцевые журналы... Она хотела сделать серию подводных фото, он не смог отказать, потом на эту серию наткнулся кто-то в «Андер Армор», а бренд как раз выводил на рынок коллекцию одежды и аксессуаров для плавания, и нужно было свежее, не затасканное лицо, и – вот мы здесь...

Брат Бекки вместе с Айви вышел с балкона и вернулся в гостиную. Я провожала их глазами и, похоже, то же самое делали все остальные девушки на этой вечеринке. Он просто притягивал все взгляды, как магнит. Да и на нее невозможно было насмотреться.

– Я всегда думала, что лицом бренда становятся только суперизвестные люди, – заметила я.

– Как видишь, вовсе нет, – возразила Бекки. – Люди устают смотреть на суперизвестных. Все любят дерзких новичков, которые возникают из ниоткуда, улыбаются всем самой наглой

улыбкой и не успели примелькаться... Пойду принесу толпе еще каких-нибудь закусок, присаживайся.

И я присела, глядя в дальний угол гостиной. Отсюда его волосы казались темнее – возможно, из-за освещения. Черты лица – резче. Белая футболка плотно обтягивала торс, и бицепсы, и пресс...

Ладно, ладно, признаюсь, я тарасила на него. На его грудь, на бугорки сосков, проступившие через ткань, на то место, где заканчивался треугольный вырез футболки и начиналась кожа. А потом по его груди заскользила рука с ярко-накрашенными ногтями, и я отвела взгляд.

Всего на секунду, не дольше. Мои глаза без разрешения снова уставились на грудь парня. Айви полулежала рядом, глядя на него с пылким обожанием. Потом ее рука заскользила вниз по его груди, животу, остановилась у ремня и... двинулась ниже.

Черт. Она лапала его у всех на глазах!

Теперь я отвернулась по-настоящему. Уставилась на горлышко своей бутылки. Просидела так целую минуту, но любопытство все равно взяло верх. Я снова подняла голову...

Брат Бекки смотрел прямо на меня. В упор. Не моргая. И что-то в выражении его глаз мне не слишком понравилось. Или безалкогольный сидр каким-то образом смог ударить в голову – или в его глазах в самом деле была неприязнь. Готова поспорить, после того, как я вломилась в его комнату и стащила одну из футболок, нет мне прощения...

Я сделала еще глоточек сидра, и тут вдруг кто-то резко приглушил музыку и объявил:

– Правда или действие! Кто будет играть?!

– Все будут играть! – откликнулась Бекки, внося в гостиную горячий поднос с аппетитно дымящимися закусками.

– Я первая, я первая! – воскликнула Айви, расправляя многослойную юбку из черного шифона.

– Дженни, правда или действие?

– Правда, – ответила одна из девиц, тискающаяся с каким-то парнем в соседнем кресле. У нее были ярко-рыжие волосы, серьги-кольца и явный перебор с автозагаром.

– Во сколько лет у тебя был первый секс?

– В пятнадцать.

Я резко кашлянула: сидр попал не в то горло. Дженни обернулась и послала мне не очень трезвую улыбку. Господи, вот это вопросы! А ответы и того кошмарней.

– Моя очередь. Ричи, правда или действие?

– Действие, – откликнулся парень с гитарой. Его пальцы продолжали гулять по струнам.

– Представь, что гитара – это твоя женщина, и покажи всем, как сильно ты ее любишь.

– Она и так женщина. Посмотри, какие у нее выпуклости, – ответил Ричи, потом положил гитару на пол, перекинул через нее ногу и начал совершать бедрами движения, от которых у меня начало гореть лицо. Взрыв смеха был такой, что дрогнули стекла.

Потом Ричи отложил гитару в сторону и задал следующий вопрос:

– Новенькая. Правда или действие?

Я все еще видела перед собой жуткую сцену с гитарой, как вдруг заметила, что все смотрят на меня.

– Да-да, ты.

– П-правда, – пискнула я, натянуто улыбаясь.

– Ты девственница?

Паника. Паника. Паника.

Мой голос пропал, а лицо залила краска. Я почувствовала, как оно пылает. Зачем я выбрала правду? Зачем вообще пришла сюда?

И тут вмешалась Бекки.

– Ричи, она первокурсница. И первый раз здесь. Давай твои вопросы будут чуть-чуть...

– А что, первокурсниц нынче делают из сахара? – влезла Айви, пристально разглядывая мою футболку. Такая же ядовитая, как и ее имя⁸. – Если вопрос ей не нравится, она может сказать об этом сама.

– Нет, – ответила я, наконец взяв себя в руки. Нужно было соврать сразу же. Мгновенно. А теперь я похожа на белую ворону...

– Нет, ты не из сахара, или нет, ты не девственница? – уточнила Айви с акульской улыбкой.

– Имеется в виду второе, – ответила за меня Бекки и тут же добавила, улыбаясь: – Твоя очередь, Лори.

– Бекки, правда или действие?

– Действие.

– Дотронься до потолка, не используя никакие предметы.

Единственный способ сделать это – влезть кому-нибудь на плечи. В последний раз, когда мы играли в «правду или действие» дома, бабушка дала такое задание нашей домработнице Мелиссе. Вот смеху было, когда она пыталась вскарабкаться на спину нашему соседу, мистеру Робину, который тогда тоже заглянул в гости...

Бекки быстро сообразила, что к чему, и выдернула с дивана брата. Он обхватил ее за талию и поднял в воздух, к потолку... Парень в обтягивающей футболке, дающий рукам нагрузку в шестьдесят килограмм. Представили? В ту же секунду я поняла, как мало нужно человеку, чтобы испытать к кому-то острый интерес. Тем более восемнадцатилетней девственнице, ха-ха...

Бекки взлетела до потолка и прикоснулась ладонью к штукатурке. А ее брат вернулся на диван в объятия Айви. Печалька.

– Теперь я! – запрыгала Бекки. – Айви, правда или действие?!

– Действие.

– Тогда станцуй тверк!

Тверк не слишком удался, на мой взгляд. Для тверка нужна попа. А ее у Айви не было. Девушка была очень стройной. Как печенье-соломка, которое переламывается двумя пальцами... Вот Бекки смогла бы! Бекки была кругленькой и аппетитной, как маршмеллоу. Айви, уже изрядно опьяневшая, оттопырила ягодицы и зашла в эпилептических судорогах. Иначе это нельзя было назвать.

– Так! Моя очередь! – хохотнула Айви и вытянула палец в мою сторону. – Ты! Да! Поцелуй того, кто первым поднимет руку!

В воздух взлетели три руки. Ричи, какой-то сильно подвыпивший и без конца хихикающий блондинчик и паренек азиатской внешности в красных очках.

– Первым был Адам!

– Нет, первым был я, – заспорил Ричи.

– Адам хочет! – захохотала Айви.

– И Ричи тоже! – возразил Ричи. Парни начали спорить.

– Кто п-первый добеж-жит до нее, тот и целует, – Айви была пьянее, чем мне казалось. И сейчас ненароком могла меня убить. Парни рванули в мою сторону наперегонки...

– Нет, не надо! – закричала я и отпрянула. Споткнулась, шлепнулась на пол, попыталась встать... Моя бутылка упала и разбилась. Такой реакции точно никто не ожидал. Ричи остановился как вкопанный, а парень-азиат посмотрел, как на придурочную.

– Я не могу, я не могу, – заговорила я. – Простите...

Не имело смысла пытаться исправить ситуацию. Рассказать о своей болезни во всеуслышание я не была готова, а других убедительных заготовок придумать не успела. Так что теперь точно стану посмешищем. Уж Айви постарается разнести всему универу, что я...

⁸ Имя Айви (Ivy) в переводе с английского означает плющ. Сок плюща ядовит.

– Девочка-целочка-недотрога? – вслух закончила за меня Айви. Словно мысли умела читать.

Катастрофа.

Я встала на ноги и приготовилась к позорному побегу, но тут случилось что-то очень странное. Брат Бекки кивнул в мою сторону и сказал:

– Просто она встречается кое с кем с третьего курса. Эй! – обратился он ко мне. – Ты встречаешься с тем регбистом, которого на днях замели за драку?

Парень посмотрел на меня в упор и... подмигнул. Господи боже, он в самом деле делает это? Пытается спасти мою без пяти секунд уничтоженную репутацию?

– Ага... – пискнула я, потея, бледнея и охрипнув.

– Удачи, но, по-моему, у него с психикой не все в порядке, – заботливо посоветовал мой спаситель.

– Ну что ты, – вошла в роль я. – Он просто... такой ревнивый.

Айви слушала нас с открытым ртом. Известие о том, что я, зеленая первокурсница, могу встречаться с регбистом с плохой репутацией, которого «на днях замели за драку», точно не пришлось ей по вкусу.

– Не знаю, с кем ты т-там встречаешься, подруга, но если ты играешь, т-то выполняй задания, а не жмись по углам. В смелости в-вообще-то вся суть игры, – раздраженно сказала мне Айви. – На чем мы остановились? Чья очередь?

– Моя, – объявил брат Бекки и (господи, поверить не могу!) повернулся ко мне. – Правда или действие?

Сегодня я точно гвоздь программы.

– Правда.

– Твои полные имя и фамилия?

– Долорес Макбрайд, – сказала я, глядя ему в глаза. Нет, он точно станет героем моих грез, особенно после того, как спас меня. Ведь он в самом деле только что спас меня, превратив из презренной «девочки-целочки» в ту, что встречается с психованным регбистом!

– А что? – спросила я.

– Да ничего, – ответил брат Бекки, встал, снял с себя хохочущую без причины Айви и вышел из комнаты.

– Рекламная пауза. Кому понравились мои спринг-роллы?! – встрепенулась Бекки.

– Всем! – гаркнули все.

– Ну раз так, Лори, не принесешь ли ты поднос? Я только что услышала звонок духовки!

Желание быть полезной выдернуло меня из кресла, и я быстро зашагала на кухню за спринг-роллами, которые наполнили божественным ароматом всю квартиру, и... остановилась как вкопанная в дверном проеме. Мои глаза уперлись в спину, обтянутую белой футболкой. Ткань вдоль позвоночника влажно потемнела, как будто он только что вернулся с пробежки. Брат Бекки стоял у кухонного стола, наливая в стакан выпивку. Потом стукнул бутылкой об стол и залпом опустошил стакан.

Непонятно почему, но у меня возникло сильное желание развернуться и сбежать. Потом я собрала всю волю в кулак, бодро зашла на кухню и огляделась в поисках полотенца или кухонных рукавиц...

– Я за спринг-роллами, – пояснила я парню, который уже заметил меня и теперь не сводил глаз. – Кстати... Спасибо, что выручил... Мне не хотелось никого целовать...

– Я заметил.

– Хочешь спринг-ролл? – поинтересовалась я. – Тут много...

– Тебе нужно уйти.

– Ладно, только роллы заберу...

– Уйти с этой вечеринки.

– Почему? – заморгала я, замерев у духовки.

– Ты сейчас выйдешь из этой квартиры и больше никогда сюда не придешь, – сказал он не слишком ласково.

– П-почему? Если это из-за того, что зашла в твою комнату и...

– Нет, по совсем другой причине.

– По какой?

Парень отвернулся и принялся наливать еще один стакан. Потом снова повернулся ко мне и поднес его к губам. Он пил неразбавленный джин и даже не морщился.

– Я поняла. Я не нравлюсь Айви, и поэтому ты решил...

– Ты не нравишься *мне*, – сообщил он и снова поднес к губам стакан.

Не знаю, что там происходит с климатом Земли, но внутри меня началось глобальное похолодание. Оледенение. Антарктический мороз. Кровь застыла в жилах. Меня еще никогда не гнали прочь. Да еще так безжалостно и враждебно.

– Твое здоровье, Долорес Макбрайд, – саркастически заметил мой собеседник и приподнял стакан в наигранном приветствующем жесте. И тут я наконец заметила то, что он давно выставлял напоказ. Теперь и мое сердце заледенело: аж закрипело в груди. Полотенце выпало из рук...

На левой руке парня не было двух пальцев: безымянного и мизинца...

– Вильям! Ты там?! – послышался голос Айви, а потом и сама она заглянула на кухню. – Ах, вот ты где! Слушай... Мы можем выгнать всех? – И громким шепотом добавила: – Хочу остаться с тобой наедине...

«Вильям! Вильям Веланд! – завопила я про себя. – Мальчик, на которого я натравила свою собаку... Верней, уже не мальчик... Совсем не мальчик».

– Да, мы можем выгнать всех, – ответил он, прижимая к себе шатающуюся Айви. – А начнем, например, с нее.

Айви захохотала пьяно и зло. Я подняла упавшее полотенце. Сложила квадратиком на столе. Развернулась и быстро вышла. Сначала из кухни. Потом из квартиры. Спустилась вниз по лестнице и вернулась к себе. После квартиры Веландов моя казалась очень пустой и тихой.

Идеальное место, чтобы грустить и плакать. И мечтать исправить ошибку, которую исправить уже нельзя.

11

Знать тебя не хочу

– Вильям Веланд был вчера на вечеринке! Верней, он там живет! Это точно он! – истерика я в трубку следующим утром, в семь часов, роняя яйца, разливая молоко и сморкаясь в бумажное полотенце. Я едва сомкнула глаза ночью.

– Кто «он»? – зевнул Сейдж так громко, что пришлось отодвинуть телефон от уха.

– Это тот парень, которого... наша собака...

– Да быть этого не может. Ты что-то напутала.

– Клянусь! Я просто его не узнала. Немудрено, он так... изменился! А та девчонка с розовыми волосами, Бекки – его сестра! Бекки – это сокращенно от Вибекке! Уж ты-то должен был ее запомнить! Вы тогда так и пялились друг на друга...

– Не помню. Слегка что-то припоминаю, но не очень... Долорес, слушай, я перезвоню.

И тут я отчетливо услышала на том конце девичий голос.

– Ой, ты там не один... Ах, ну да...

Я совсем забыла, что Сейдж съехался со своей девушкой, с которой, само собой, еще лежит в кровати. Кровь прилила к щекам.

– Прости, позвони мне потом. Я в шоке и, наверное, должна начать искать новое жилье.

– С чего это вдруг?

– Вильям выставил меня вчера с вечеринки, на которую нас пригласила Бекки. Узнал меня и выставил. Господи, хорошо хоть сделал это не при всех! Хотя я заслужила бы и это тоже. Сейдж, у него нет двух пальцев на руке...

Слезы капали из глаз и текли по щекам. Я начала быстро вытирать их, как будто Сейдж мог увидеть.

– Я думала, что врачи все-таки смогут что-то сделать. Исправить, но... Боже, я ненавижу себя.

– Долорес, – вздохнул Сейдж. – Ну не плачь...

– Все-все, прости, отключаюсь, позвони потом.

– Нет, подожди... я сейчас приеду.

– Не надо, я в порядке. Более-менее. Просто все это как снег на голову. И Бекки теперь возненавидит меня! А мне казалось, что мы могли бы... подружиться. Она мне понравилась. А у меня еще не было друзей... Вообще. Ну, ты не в счет...

Больше я не могла разговаривать, голос начал подводить. Я кое-как распрощалась с Сейджем и позвонила родителям.

Те были потрясены. Мама три раза переспросила, уверена ли я. Заверила, что если с этими молодыми людьми начнутся проблемы, они подыщут другое жилье.

Я сказала, что не прочь съехать прямо сейчас.

Мама сказала, что это можно устроить, но если я согласна не паниковать, а подождать и посмотреть, как все пойдет, то это сэкономит нам почти пять тысяч, так как квартира оплачена на три месяца вперед.

Конечно же, я согласилась *подождать и посмотреть*, хотя паника меня охватила такая, какой я давно не испытывала. Я больше не могла думать ни об учебе, ни о том, как в понедельник впервые приду на лекции, ни о том, понравится ли мне университет. Все мое мыслительное пространство занял человек с глазами цвета зимнего моря, который прошлой ночью стоял напротив – такой высокий, что пришлось задрать голову во время разговора – и недвусмысленно попросил убраться восвояси.

Мне нужно извиниться перед ним. Не знаю, почему я не сделала этого сразу же. Я хочу, чтобы он понял: мне очень-очень жаль. И что если бы я могла вернуться в прошлое, то дала бы себе, малолетней дикарке, большой подзатыльник.

Я расскажу ему, что этот поступок стал следствием моей социальной изоляции, а та, в свою очередь, – результатом редкой болезни. Что я социофоб, мало общалась с другими детьми, не ходила в школу, что люди до сих пор вызывают у меня неконтролируемый страх и настороженность.

Я должна объяснить ему все это и сказать, что той девочки, которую он ненавидит, больше нет. Время забрало ее, а вместо нее создало меня. А я больше не спускаю собак на людей.

И вообще я тише воды, ниже травы и милее зайчика!

Стигмалион сломал меня, растоптал и посадил на цепь.

* * *

Весь день я не знала, куда себя деть. Выплеснула немного грустных картинок в Инстаграм. Съела половину десертов, приготовленных для меня мамой на неделю, и в десятый раз посмотрела «Телохранителя», как обычно обрыдавшись в конце, на аккордах финального саундтрека. А вечером...

Вечером ко мне зашла Бекки!

Я почему-то была уверена, что это будет Сейдж, даже в глазок не посмотрела. А когда распахнула дверь, то замерла на месте от изумления с банкой мороженого в одной руке и с ложкой – в другой.

– Зашла узнать, все ли в порядке, – объяснила девушка, озабоченно на меня глядя и сдувая с носа розовую челку. – Ты вчера так неожиданно ушла!

– Брат не рассказал тебе? – выпалила я.

– Рассказал, – кивнула она.

– Бекки, послушай. Мне очень-очень жаль, если бы я могла вернуться в прошлое, я...

– Ну-ну, не переживай, это же всего лишь вечеринка. Не первая и не последняя, – улыбнулась Бекки. – А если еще и мигрень, то...

– Какая еще мигрень?

– Ну, Вильям рассказал мне, что у тебя голова разболелась, и ты решила пораньше лечь спать.

Значит, он не сказал ей.

Он. Ей. Не сказал!

– Как это... мило с его стороны.

– Хочешь, завтра вместе пойдем в универ?

– Нет, спасибо. Я думаю, что пойду туда пораньше, чтобы успеть отыскать нужную аудиторию, – начала отнекиваться я.

– О, тогда нам точно стоит пойти вместе! – воскликнула Бекки. – Я покажу тебе твою аудиторию! Универ как свои пять пальцев знаю! Я зайду за тобой рано утром.

– Твой брат – он пойдет с нами?

– Может, и пойдет, если сегодня не слишком долго будет... С Айви и не решит проспать первую лекцию.

– А, – смутилась я. – Понятно.

Мне захотелось, чтобы она рассказала о нем что-нибудь еще, но я не знала, как бы попросить об этом, не вызывая подозрений.

– И давно они с Айви встречаются?

– Почти два года. А что, хочешь отбить у нее парня? – подмигнула Бекки.

– Не смейся... Просто он спас меня вчера. Не знаю, слышала ли ты. Сказал всем, что у меня ревнивый бойфренд, когда заметил, что я не хочу ни с кем целоваться в «правде или действии». И все ему поверили.

– Ничего себе! – изумилась Бекки. – Нет, я не слышала, наверно, была на кухне.

– Я очень ему благодарна.

– А как Айви отреагировала? Глаза тебе не выцарапала? – хихикнула Бекки.

– По-моему, она была слишком пьяна, чтобы понять, что происходит.

– А-а, да... Айви вчера прямо во все тяжкие пустилась. Не помню ее такой. И с Вильяма весь вечер не слезала. Мне кажется, это частично из-за тебя.

– Я-то тут причем?

– Думаю, она приревновала. Ты очень красивая, Лори. И не похожа на других девушек: не ржешь во весь голос, не напиваешься, не трещишь. В тебе есть что-то загадочное... Как будто ты жила на каком-то далеком острове, где все не так, как здесь...

Мне еще никто не говорил комплиментов. Никто из посторонних людей. Поэтому я просто растаяла, растеклась, как мороженое. И поняла, что слишком слабовольна и эгоистична, чтобы сказать Бекки правду о том, кто я. Я не хочу терять ее. Если она и узнает об этом, то не от меня. Если нашей дружбе и суждено закончиться в ближайшем будущем, то не я положу ей конец...

– Как дела, ты в порядке? – позвонил вечером Сейдж.

– Да, мне лучше. Уже не хочется сбежать, пробив головой дверь.

– О, Долорес шутит. Значит, точно полегчало. Я заеду к тебе завтра, сегодня жутко устал.

– И кто же тебя так утомил? – хитро спросила я, снова заслышав голос девушки.

– Вы слишком много вопросов задаете, инспектор, – отшутился Сейдж и повесил трубку.

На следующий день рано утром я собралась в универ с утра пораньше. Разогрела завтрак, оделась, уложила волосы; положила в сумку бинты и пластырь на случай, если кому-то вздумается потрепать меня по щечкам. И побежала к Бекки, перепрыгивая по две ступеньки за раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.